Последняя жертва

Автор:
Джон Маррс

Последняя жертва

Джон Маррс

Альфа-триллер

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «THE ONE. ЕДИНСТВЕННЫЙ»,

ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ INTERNATIONAL THRILLER WRITERS AWARD 2021.

В моем мире не бывает совпадений. Только тщательно выстроенные сценарии…

Одну жертву убийца парализовал прямо на переполненной платформе метро в час пик – и сбросил под поезд. Вторую утопил в алкоголе. И это только начало. Каждое убийство экзотично и не повторяет другие. Кажется, между ними нет связи. Но она есть…

Для детектива Бекки Винсент это расследование может стать скачком в карьере. Требуется «самая малость»: найти нужное лицо среди моря лиц на камерах подземки. Бекка обращается к Джо Расселу из полуофициального отдела лондонской полиции, сотрудники которого известны как супер-распознаватели. Их феноменальная память содержит огромную базу лиц разных людей, позволяет проводить распознавание эффективнее компьютера и выстраивать недоступные обычному человеку цепочки ассоциаций. Рассел включает свои уникальные способности на полную.

Но время не на их стороне. Убийца вычеркивает из своего списка всё новые и новые имена, действуя по лишь одному ему ведомой логике. Как найти связь между жертвами, пока он не добрался до последней из них?

Атмосферный триллер о серийном убийце с оригинальным нарушением законов жанра от звезды психологического саспенса.

«Живая и напряженная книга. Неудивительно, что Маррс столь популярен – с такими-то органичными персонажами, замечательными идеями и блестящим повествовательным даром». – Sunday Express

«Грандиозный, пронзительный триллер». – The Sun

«Одна из тех книг, которые побуждают пренебречь домашними и рабочими обязанностями, отложить прием пищи и сон». – The Irresponsible Reader

«Маррс поистине блестящ в лихих поворотах сюжета и адреналиновой гонке повествования». – Питер Джеймс

«Шок на каждой следующей странице». – Wall Street Journal

Джон Маррс

Последняя жертва

John Marrs

Her Last Move

Text copyright © 2018 by John Marrs. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating

with Amazon Publishing, www.apub.com,

in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Маррс, Джон.

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моему отцу Чарли Маррсу, номеру 574

Человек выбирает зло не потому, что это зло; он ошибочно принимает его за счастье, которое ищет.

Мэри Уолстонкрафт[1 - Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) – английская писательница, философ, борец за права женщин, мать Мэри Уолстонкрафт Шелли, автора романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».]

Пролог

Он вытянул шею, чтобы заглянуть в непроглядную черноту за устьем тоннеля. Сам не знал, что ожидал увидеть в этой темноте, но тем не менее всматривался, сощурившись.

Потом повернул голову, чтобы окинуть взглядом платформу станции подземки. Прямоугольные щиты высотой от пола до потолка, висящие на изогнутых стенах, рекламировали экзотический отпуск на белом песчаном пляже. Другие предлагали купить матрасы, обещающие подарить лучший сон в его жизни. Однако в крови бурлило так много адреналина, что менее всего он сейчас мог

думать про сон и отдых.

Часы на панели над устьем тоннеля сообщили ему, что следующий поезд прибудет через четыре минуты. Это казалось невероятно долгим ожиданием здесь, в замкнутом пространстве, глубоко под землей, особенно в окружении такого множества людей. Во рту уже пересохло, кожу начало покалывать, поэтому он пустил в ход то, чему научился на курсах медитации в Центре ментальных практик в Северном Лондоне. Шестинедельный курс стоил небольшого состояния, однако это помогало взвинченному мозгу не думать обо всем сразу, а вместо этого сосредоточиться на чем-то одном. Это также дало средства для того, чтобы удерживать закрытой крышку на сосуде его ярости – ярости, которая постоянно норовила закипеть и перелиться через край.

Правая рука, скрытая под бандажом и подвешенная на груди, начала неметь. Ему хотелось извлечь ее и размять пальцы. Вряд ли кто-то заметил бы, что именно он прячет, – вокруг было слишком много пассажиров, занятых исключительно своими делами. Но до этого момента он тщательно избегал любого ненужного риска – и не собирался рисковать теперь, будучи так близко от цели.

Согласно информации на сайте Лондонского транспортного управления, на линии Дистрикт велись стандартные технические работы по проверке путей. В результате поезда ходили реже, а вот пассажиров меньше не стало, и потому на платформе было многолюднее, чем обычно. Он видел, что люди стоят вдоль всей платформы в пять-шесть рядов. Слышал, как персонал станции переговаривается по рациям с коллегами, дежурящими наверху, требуя ограничить вход до прибытия поезда, который увезет скопившуюся внизу толпу. Прикинул, что такая загруженность станции может сыграть ему на руку.

Посмотрев из стороны в сторону и удовлетворившись тем, что успешно смешался с толпой, он вновь обратил взгляд на того, кто стоял прямо перед ним, – на того, за кем он шел сегодня после обеда от самого дома преследуемого. Он стоял так близко к Стефану Думитру, что чувствовал тепло, исходящее от его мощного тела. За последние пять месяцев они нередко оказывались рядом друг с другом – но никогда настолько близко. Даже тогда, когда он побывал дома у Думитру.

Только сейчас, стоя почти вплотную, он смог оценить, насколько Думитру широкоплеч и мускулист. Он весил по меньшей мере шестнадцать стоунов,

возможно, даже семнадцать; рост его достигал шести футов и четырех дюймов[2 - Т. е. вес от 100 до 108 кг, рост примерно 193 см.], и вся его фигура была словно вытесана из гранита. Цветные татуировки начинались от костяшек пальцев и тянулись вверх по руке, точно плющ, обвивший толстую ветку, и достигали шеи, обрываясь прямо под квадратным подбородком. Он подумал, что не может допустить даже малейшей ошибки, имея дело с Думитру. Чтобы план увенчался успехом, нужно действовать четко и в строго определенный момент.

Думитру не стоял спокойно на месте – он переступал с ноги на ногу, и всякий раз, когда он крутил головой, мышцы на его плечах шли рябью, словно вода в пруду от брошенного камешка.

Он снова посмотрел на часы. Крупные желтые цифры показывали, что осталось три минуты. Свободной рукой он достал из кармана бумажный платок и аккуратно промокнул капли пота, выступившие на лбу. Он не мог сказать, отчего так горит кожа – то ли от жары, то ли от клаустрофобии, то ли от нервозности, вызванной ожиданием.

За весь вечер он ни разу не отошел от Думитру дальше чем на несколько метров. Даже когда Думитру оставался у себя дома, в двухэтажном викторианском здании за закрытой дверью, преследователь сидел в машине, припаркованной возле дома, и наблюдал. Здание было разделено на две съемные квартиры. Наблюдателя удивило плохое состояние этого дома. По стеклу в окне второго этажа тянулась длинная вертикальная трещина, а крошечный садик был усеян окурками и банками из-под дешевого пива.

Несмотря на то что Думитру явно не стремился поддерживать свой дом в порядке, пунктуален он был настолько, что по нему можно было сверять часы. Каждый день ровно в 17.20 со стуком закрывал за собой входную дверь. Одетый в одни и те же выцветшие джинсы и футболку, покрытую белыми и розоватыми пятнами от штукатурки, которую он наносил на стены, быстрым шагом направлялся к метро – этот путь занимал у него десять минут. Если ветер дул от него в сторону наблюдателя, тот иногда улавливал запах дешевого дезодоранта или лосьона для бритья – но ни то ни другое не могло замаскировать терпкий запах тела Думитру, настолько въевшийся в одежду, что от него не избавляла никакая стирка.

Наблюдатель знал, что Думитру нанялся рабочим в реновационный проект в центре Ноттинг-Хилла в Западном Лондоне, оценивающийся в миллионы фунтов

стерлингов. Перестраиваемый дом принадлежал бывшей звезде брит-попа, и, согласно документам по перепланировке, которые видел наблюдатель, под изначальным подвальным помещением были выкопаны еще два, более обширных, отчего дом превратился в некое подобие айсберга. Теперь шла финальная стадия отделки, и Думитру всю ночь штукатурил, выравнивал и грунтовал стены.

Думитру был не только пунктуален, он еще и следовал привычкам и неизменно выбирал для ожидания одно и то же место на платформе – у самого устья тоннеля, там, где останавливался последний вагон. Благодаря мощному телосложению и дерзкому поведению он без труда проталкивался в первый ряд – если только пассажиры сами не расступались, словно воды Красного моря, под его угрожающим взглядом.

Часы показали, что осталось две минуты, и сердце наблюдателя ускорило бег.

Он сделал глубокий вдох и в очередной раз почувствовал кислый запах тела Думитру. На языке остался неприятный привкус. Он почувствовал, как струйка пота стекает между лопатками по спине до пояса трусов.

Неожиданно Думитру сделал шаг назад, вероятно, решив, что стоит слишком близко к краю платформы.

– Моя нога, идиот! – рявкнул мужчина, стоящий позади и чуть слева от него.

Думитру повернул голову и злобно уставился на него, видимо, полагая, что грозного вида хватит, чтобы пресечь конфликт на корню.

– Ты звал меня «идиот»? – переспросил он на ломаном английском.

Но оппонент явно не собирался отступать.

– Да. Убирайся к себе домой! – прорычал он.

Несмотря на крепкое сложение, этот мужчина был заметно ниже Думитру. Однако если б кто-то из них решил начать драку, им пришлось бы нелегко. На запруженной народом платформе не хватило бы места, чтобы размахнуться для

хорошего удара. И все же они продолжили ссору.

– Что сказал? – спросил Думитру, в то время как часы вели обратный отсчет – от двух минут к одной. Противник ничего не ответил, поэтому Думитру отвернулся от него и что-то проворчал на родном языке.

Наблюдатель сосредоточился, боясь, что нервы у него сдадут сейчас, когда цель так близка. Ноги начали дрожать вопреки его воле, поэтому он закрыл глаза и начал медленно считать в обратную сторону – от пяти до одного. Сейчас или никогда.

Он извлек из бандажа правую руку и опустил ее так, чтобы никто не видел. А потом, собрав все силы, вонзил шприц в левую ягодицу Думитру и нажал на поршень, прежде чем выдернуть иглу. Все заняло чуть больше секунды.

– La dracu![3 - Твою мать! (румынск.)]– взревел Думитру, и все посмотрели в его сторону. Он схватился за ягодицу и повернулся всем корпусом, чтобы увидеть напавшего. Пассажиры, которых он толкнул при этом, повалились друг на друга. На лице мужчины, с которым Думитру повздорил до этого, проявилась тревога: он оценил рост и силу своего противника.

– Что ты мне делал? – заорал Думитру. Мужчина, ничего не понимая, выкрикнул в ответ:

– О чем ты?

И тогда Думитру отвел руку назад и сжал кулак, намереваясь ударить.

Подлинный напавший так и стоял, пряча шприц в ладони; взгляд его привлек белый свет фар поезда, мелькнувший в глубине тоннеля. Он отчаянно надеялся на то, что его расчет окажется верным. И когда Думитру заколебался, так и не нанеся удар, он получил ответ на свой вопрос.

Сначала глубоко посаженные глаза Думитру забегали из стороны в сторону, потом занесенная рука упала и безвольно повисла вдоль бока. Затем голова его качнулась вперед, прежде чем он с усилием вскинул ее. Чувствуя, что начинает заваливаться назад, переступил ногами, пытаясь сохранить равновесие. Однако

это произвело совершенно противоположный эффект, заставив тело накрениться сильнее.

Поезд, подъезжающий к платформе со скоростью тридцать миль в час, явился Думитру не ярким светом фар и не визгом металла от соприкосновения колес с рельсами. А ударом кабины машиниста о плечо, швырнувшим вперед, а затем увлекшим в темноту под колесами. Поезд резко остановился, скрипя тормозами, и пассажиры в вагонах повалились друг на друга, словно тряпичные куклы.

Человек, ответственный за гибель Стефана Думитру, так и стоял на одном месте. Он вновь воспользовался тренировкой сознания, чтобы впитать все происходящее. Пронзительные крики, разносящиеся по станции; перестук высоких каблуков по бетонным ступеням лестницы, ведущей наверх с платформы; смрад паленой резины от спешно нажатых тормозов – человек вбирал в себя все это. Он молча смотрел, как люди отступают назад, отчаянно стремясь избежать запаха смерти, пока он не впитался в их одежду. Он наблюдал за тем, как другие бросаются на помощь Думитру, падают на четвереньки, дабы заглянуть под поезд в поисках признаков жизни. Но этих признаков не должно быть, он в этом уверен.

Он прикусил внутреннюю поверхность своих щек и крепко сжал зубы, чтобы помешать губам растянуться в победной ухмылке.

Спешно прибывшая бригада транспортной службы ворвалась на платформу и приступила к делу, препровождая его и других пассажиров к выходу. Снаружи персонал станции указывал людям, как пройти к другим линиям метро или автобусным остановкам, однако он сам знал, куда направится теперь. Сначала перешел дорогу и немного постоял, приходя в себя. Закрыв глаза и подставив лицо солнечным лучам, сделал несколько глубоких очищающих вдохов.

Думитру был первым, кого он убил в своей жизни. И хотя хотелось снова и снова проигрывать каждую секунду этого события, пока оно еще свежо в памяти, у него не было такой роскоши, как лишнее время. Потому что менее чем через полтора часа предстояло отправиться на второе свое убийство.

Глава 1

Изначально внимание Бекки привлек не резкий скрип поездных тормозов, а громкие голоса и крики.

Она подняла взгляд от игры, в которую играла на своем телефоне, и повернулась к противоположному концу платформы, чтобы посмотреть, откуда доносится шум. Поезд подземки экстренно остановился, не проехав и четверти пути вдоль платформы.

Бекка выдернула из ушей наушники, оставив их свисать на плечи, и пронаблюдала, как волна пассажиров откатывается назад от края платформы.

Первым побуждением Бекки было протолкаться сквозь толпу и узнать, в чем причина такого смятения. Но людей вокруг было слишком много, они не давали ей сделать ни шагу вперед – более того, толкали назад, стремясь к выходу, расположенному у нее за спиной. Один мужчина врезался в нее плечом и оттолкнул к стене – так, что Бекка слегка ударилась головой, прикусив кончик языка. Она беззвучно выругалась, проверяя, не пострадали ли зубы.

Поезда не останавливаются так резко без веской причины. В последние годы в городе произошло несколько терактов – в том числе и в подземке. Каждый лондонец, пользующийся общественным транспортом, знал, что может стать жертвой такого теракта, но тем не менее этого риска было не избежать. Бекка мысленно пробежалась по списку потенциальных причин паники, однако, поскольку отступление пассажиров было спешным, но не истеричным, а вся суета сосредоточена вокруг одного крошечного пятачка, терроризм можно было исключить.

Вместо этого логично было предположить, что кто-нибудь, возможно, упал на рельсы. Бекка продолжала стоять на месте, глядя, как сотрудники Лондонского транспорта, одетые в красные жилеты поверх синей формы, проталкиваются навстречу людскому потоку к месту происшествия. Воспользовавшись случаем, Бекка направилась следом по расчищенному ими пути.

Она видела, как некоторые пассажиры взбегают по лестнице справа от нее, перескакивая через две ступеньки, – так сильно они спешили покинуть станцию. Те, кто оставался возле поезда, всматривались куда-то под днище вагона, в то время как другие, пригнувшись или присев на корточки, что-то выкрикивали. Несколько стервятников снимали происходящее на смартфоны.

– Леди и джентльмены, – донесся из динамиков системы оповещения низкий мужской голос, – из-за несчастного случая с пассажиром поезд дальше не пойдет. Просим вас в целях вашей безопасности как можно скорее освободить платформу. Персонал станции направит вас к ближайшему выходу.

Бекка заметила, что машинист вышел из кабины и двинулся вдоль платформы; потом его голова скрылась из виду, когда он нагнулся, чтобы заглянуть под второй вагон. Потом выпрямился и закрыл лицо руками – и Бекка поняла, что ее подозрения подтвердились.

– Извините, вам сюда нельзя… – начала девушка в форме Лондонского транспорта.

Бекка предъявила полицейское удостоверение.

– Детектив-сержант Бекка Винсент. – И направилась к группе, столпившейся вокруг вагона. – Что произошло? – спросила она, снова показывая удостоверение.

– Человек на путях, – отозвался работник станции, чья голова была увенчана синим тюрбаном. На бейджике у него было написано «Дев».

– Кто-то упал под поезд?

Дев кивнул.

– Как только это случилось, машинист связался с диспетчером, а тот передал начальнику станции приказ на эвакуацию.

– Контактный рельс отключен, – раздался женский голос чуть дальше по платформе. Несколько других работников повторили эти слова, чтобы все были в курсе.

Бекка отошла на несколько шагов, чтобы заглянуть под поезд, однако жертвы не было видно. Все, что ей удалось разглядеть, – это белая кроссовка, лежащая подошвой вверх.

– Это не может быть самоубийством? – спросила она.

– Никто не видел, чтобы он прыгал с платформы, и кто-то сказал, что он ругался с другим человеком как раз перед тем, как это случилось.

– Свидетели все еще здесь? – спросила Бекка.

– Нет, они, кажется, ушли вместе со всеми.

– Была ли платформа переполнена? Мне показалось, людей было довольно много.

– Мы не допускаем, чтобы она переполнилась, – возразил Дев. – Бригада, работающая наверху, в часы пик делает все, чтобы количество пассажиров, входящих на станцию, не превышало пределы.

– Люди часто падают под поезд?

– Увы, часто. Если брать статистику по всей транспортной сети, то примерно по одному в день.

Бека переключила внимание на работницу станции, которая спустилась на пути, а потом по-пластунски поползла под поезд. Следом за ней направился парамедик в зеленой форме.

– Что они делают?

– Иногда упавшие скатываются в «канаву самоубийц» – она проложена совсем не для этого, а для стока воды, но помогает уменьшить количество смертельных случаев. Но если мы не слышим криков или просьб о помощи, нужно пролезть под поезд, чтобы посмотреть, жив ли еще упавший. Может быть, сказать ему, что «Скорая помощь» уже едет. Я знаю коллег, которым приходилось придавливать раненых собой, чтобы они не дергались, когда по контактному рельсу снова пустят ток, чтобы можно было отогнать поезд.

– Понятия не имела о таком, – отозвалась Бекка.

– Мало кто понимает, что нам приходится делать. Зато все готовы обзывать нас всякими словами, если поезд опаздывает.

Они молча ждали, глядя, как работница станции и парамедик скрываются под поездом. Бекка обернулась, чтобы посмотреть, как там машинист. Он сидел на лестнице, ведущей наверх с платформы; в его руках курился паром полистироловый стаканчик, который кто-то сунул ему. Машинист сжимал стаканчик обеими ладонями, но когда кто-то из коллег попытался увести его прочь, он отвел его руку, не в силах оторвать взгляд от мрачной сцены. Бекка посочувствовала ему. Скорее всего, машинист сделал все, чтобы избежать столкновения, но она понимала: ему будет трудно отделаться от чувства вины. Она сама научилась жить с таким чувством и надеялась, что машинист тоже сумеет это сделать.

Тяжелое молчание прервало появление работницы станции, выползшей из-под поезда.

– Мертв, – сказала она, встряхивая головой и счищая грязь с волос и одежды. – Голову почти отрезало. Неприятное зрелище.

Вдоль платформы к поезду направились несколько человек в форме Британской транспортной полиции, их сопровождали два парамедика с носилками. Один из полицейских успокаивающим жестом положил руку на плечо машинисту, и Бекка заподозрила, что он просит того пройти стандартный тест на содержание в крови алкоголя и наркотиков – чтобы очистить от подозрений в правонарушении.

К тому времени как Бекка представилась офицеру транспортной полиции и изложила ему те немногие факты, которые знала, поезд отогнали по рельсам назад, а тело подняли на платформу. Несмотря на то что Бекка не в первый раз наблюдала подобную кровавую смерть, ей захотелось отвести взгляд. Однако ее внимание привлекло нечто, блеснувшее в свете потолочных ламп. Она присмотрелась поближе и отметила татуировку погибшего. На указательном пальце он носил массивное серебряное кольцо. Татуировка тянулась по кисти руки до самых костяшек пальцев. Она изображала некое существо, похожее на черта, с кожей, напоминающей древесину, и с рогами, торчащими из белой волнистой шевелюры. Лицо и глаза существа были красными; рядом с ним была изображена желтая роза, кончики ее лепестков доходили до пальцев погибшего.

Кости запястья были переломаны, и кисть отгибалась к внешней стороне предплечья. Бекка содрогнулась при мысли о столь жестокой смерти на глазах у публики. Сама она надеялась – хотя вряд ли всерьез ожидала, что в назначенный ей час просто уснет в своей уютной постели и не проснется утром.

Но если работа и семейная жизнь чему-то и научили Бекку, так это тому, что люди редко умирают той смертью, которой желали – или которую заслужили.

Глава 2

Джо Рассела не удивило, что автобус, подошедший к остановке, уже был набит битком.

Джо втиснулся в салон, приложил свой служебный проездной к электронному считывателю и встал в проходе, одной рукой ухватившись за петлю, свисающую с поручня. Другой рукой он выбрал на «Спотифай» плей-лист, составленный из классических танцевальных мелодий «Радио Ивица». Автобус отъехал от остановки. Джо вынужден был пересесть на наземный транспорт, потому что за шесть станций до места его назначения на линии подземки было остановлено движение. Не успел он проехать по поверхности и двух миль, как апрельское солнце, заглянув в окно, ударило ему прямо в лицо, и он начал жалеть о том, что не дождался более свободного автобуса. Кондиционер не справлялся с жаром, который излучали шестьдесят пассажиров, столпившихся на нижнем уровне даблдекера[4 - Даблдекер – двухэтажный автобус.]. В итоге Джо чувствовал себя сардиной в банке, которую кто-то вскрыл и оставил стоять на припеке.

Пряди темно-каштановых волос Джо, гладко зачесанных назад, намокли от пота и начали падать ему на лоб. Он пытался пригладить их обратно, но проиграл это сражение. В наушниках на фоне низкого электронного ритма звучал красивый, задушевный женский голос. Джо подпевал про себя, постукивая пальцами по бедру.

В его отделе не было официальных рабочих часов, которые полагалось отсиживать от и до, однако все знали: чем больше личного времени ты согласен пожертвовать работе, тем выше твои шансы быть отмеченным. Не то чтобы власти когда-либо признавали, что их служители обязаны постоянно следовать

зову долга. Но предпринятые правительством меры экономии и сокращения персонала не очень хорошо сказались на численности столичной полиции, так что во многом приходилось полагаться на добрую волю работников. Джо предпочитал уходить из офиса примерно на час позже остальных. Это дополнительное время давало ему возможность сосредоточиться на своих личных задачах. Если кто-то из коллег задерживался в офисе, Джо закрывал лишние окна на мониторе, чтобы не рисковать, что кто-то поинтересуется, чем он занят. Объяснять было бы слишком долго, и он предпочитал не врать команде, с которой работал в тесной связке.

Джо даже не знал, сколько из коллег в курсе его прошлого – если кто-либо вообще в курсе. Он не поднимал эту тему даже в разговорах с теми, кому доверял больше всего, рассуждая так, что у всех есть свои тайны.

Вблизи Хай-Холборна автобус резко остановился. Джо наклонил голову, нашел просвет между другими пассажирами, толпящимися в проходе, дабы посмотреть, что творится за лобовым стеклом. Ему удалось рассмотреть временный светофор, установленный метрах в сорока впереди. Полдесятка мужчин в ярко-оранжевых куртках и массивных защитных наушниках орудовали отбойными молотками, проделывая дыры в дорожном покрытии. Путь до дома оказался далеко не таким простым, как надеялся Джо.

Неожиданно его внимание привлекло некое лицо. Оно принадлежало мужчине, стоящему снаружи, на островке безопасности для пешеходов между двумя полосами движения, – в ожидании, когда красный свет сменится зеленым. Джо нахмурил брови и прищурился. Он не знал, где именно видел это лицо прежде – но не лично, это он мог сказать точно. Возможно, на фотографии или видеозаписи. Однако где и почему – этого он не мог вспомнить.

Фотографическая память, никогда и ни за что не позволяющая ему забыть один раз увиденное лицо, была для Джо одновременно благом и обузой. Минимум половину своей рабочей недели он занимался тем, что изучал и запоминал незнакомые лица, мысленно каталогизируя их черты. Если же впоследствии видел их лично – или они оказывались замешаны в другом преступлении, – то при некоторой доле удачи сразу опознавал их. И сейчас был уверен, что внешность этого конкретного человека не так давно отпечаталась в его памяти.

Пока автобус стоял на месте, Джо всматривался в подозреваемого, не желая терять его из виду, пока не вспомнит, откуда именно тот ему знаком.

Внутреннее чувство подсказывало ему, что раз этот тип оказался настолько запоминающимся, то, скорее всего, он совершил что-нибудь незаконное. Но бывали случаи, когда знакомые незнакомцы оказывались совершенно ни в чем не виноватыми – например, это мог быть продавец, обслуживавший Джо в магазине десять лет назад, или же бывший одноклассник.

Воспоминания в голове Джо обрабатывались не так, как у его коллег. Если покрепче зажмуриться, то мозг словно начинал работать быстрее. Когда окружающая обстановка сменилась полной темнотой, то не прошло и двух секунд, как он вспомнил имя.

Алистер Браун. Джо вспомнил также, почему полиция разыскивала его.

Нужно было действовать быстро. Рассыпая вежливые извинения, Джо протолкался через толпу в проходе в переднюю часть автобуса и, не отводя взгляд от человека, стоящего снаружи, обратился к женщине-водителю:

– Мне нужно выйти сейчас.

– Это запрещено, уважаемый, – ответила она из-за плексигласовой перегородки. – Правила безопасности не разрешают.

– Служебная необходимость, – сказал Джо, предъявляя удостоверение, и водитель кивнула.

– Удачи вам, офицер, – с ноткой сарказма произнесла она. Зашумела гидравлика, и дверь открылась.

Джо выпрыгнул на дорогу и бросился к тому месту, где он видел Брауна. Однако того уже не было на островке безопасности. Джо огляделся по сторонам и обнаружил, что подозреваемый переходит дорогу и направляется к торговому ряду. Джо бросился следом.

Если память его не подвела – а она обычно не подводила, то Браун был одним из компании белых мужчин, обвиненных в групповом изнасиловании азиатской девушки-подростка примерно четыре года назад. Они избили ее почти до смерти и сбросили в канал в Кэмдене, но она чудом выжила. Четверо дружков Брауна

были признаны виновными на суде и приговорены к восьми годам заключения каждый. Но Браун избежал ареста и скрылся, хотя ордер на него также был выписан. Фотографии, по которым Джо запомнил его, были извлечены с ныне удаленной странички Брауна в Фейсбуке[5 - 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании «Meta Platforms Inc.», была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.].

В те времена, когда были сделаны эти снимки, русые волосы Брауна были коротко острижены, лицо чисто выбрито, к тому же тогда он был худым. У новой версии волосы потемнели и отросли до плеч, на подбородке и щеках виднелась щетина, он носил большие солнцезащитные очки и заметно заматерел. Другого подобные перемены сбили бы с толку, но Джо случалось опознавать других людей после куда более радикальных изменений внешности. Однако, прежде чем вызывать подкрепление, нужно было подобраться поближе – хотя бы ради собственного спокойствия.

Браун пересек еще один перекресток и теперь направлялся в сторону Тоттенхэм-Корт-роуд. За плечами рюкзак, на голове массивные наушники, одет был весьма прилично – как будто обычный человек, который просто возвращается домой с работы, а не насильник, скрывающийся от полиции. Джо предположил, что и документы у Брауна теперь на другое имя.

Он держался в восьми или десяти метрах позади своей цели, пока Браун не дошел до очередного пешеходного перехода рядом с цветочным лотком. Теперь они шли почти рядом. Пока Браун набирал сообщение на своем телефоне, Джо воспользовался возможностью, чтобы окинуть его пристальным взглядом, а потом быстро отвернулся, дабы не вызывать подозрений. Он ставил свою карьеру на то, что преступник опознан верно.

Позволив Брауну пройти чуть дальше по улице, Джо достал телефон и позвонил в диспетчерскую своего участка. Хотя сейчас не его смена, по закону он все равно мог арестовать преступника. Однако без снаряжения и подкрепления эта задача становилась нелегкой.

Когда диспетчерская ответила на звонок, Джо назвал свое имя и звание, а также цель звонка – удостовериться, что Браун все еще в розыске. Получив подтверждение, сообщил о своем местонахождении и затребовал подмогу. В трубке было слышно, как диспетчер вызывает ближайших доступных офицеров.

Джо не знал, чем он вызвал подозрения у преследуемого, однако инстинкт самосохранения, который позволял Брауну так долго скрываться, вероятно, предупредил о том, что что-то пошло не так. Браун без предупреждения рванул через дорогу.

– Черт! – вслух выругался Джо и побежал за ним, уведомив диспетчера о направлении погони. Браун перебежал четыре полосы, по которым плотным потоком катились автомобили; он вилял и уворачивался от машин, Джо следовал за ним. Гудели клаксоны. Джо едва не попал под мопед, водитель которого резко затормозил, так что его легкий транспорт развернуло боком.

Браун свернул влево и изо всех сил помчался по Чаринг-Кросс-роуд в направлении Лестер-сквер. Он, несомненно, был в лучшей форме и постепенно отрывался от погони, в то время как Джо уже взмок и запыхался. Ему нужно было думать быстро и представить себя на месте Брауна. «Куда бы я направился, если б за мной гнались?» По его предположениям, Браун рассчитывал на то, что сейчас, ранним вечером, на Лестер-сквер будет полным-полно туристов и просто прохожих. Браун рассчитывал добежать туда раньше, чем преследователь, и без труда затеряться в толпе.

Джо ставил на то, что Браун не рискнет спуститься в подземку и застрять у турникетов одной из самых загруженных станций Центрального Лондона. Если он намеревался держаться улиц и прятаться среди толпы, то следующей наиболее вероятной точкой была площадь Пикадилли. Оттуда Браун – если он решит, что удрал от погони, – может направиться по Риджент-стрит, затем по Мэлл и, наконец, затеряться на зеленых просторах Сент-Джеймс-парка.

Рискованно – но Джо готов был рискнуть. Одной рукой придерживая ремень сумки на плече, а другой прижимая к потному уху телефон, он задыхающимся голосом сообщил в диспетчерскую о своих предположениях и о том, куда, вероятно, следует направить подкрепление. Потом резко свернул с Чаринг-Кросс-роуд направо, на Шафтсбери-авеню, бегом промчался по улице, миновав Сохо и Чайнатаун, пока не увидел впереди мемориальный фонтан на площади Пикадилли. Если б, покидая офис, он знал, что ему предстоит такая погоня, то надел бы кроссовки «Найк», которые стояли у него под столом, а не громоздкие ботинки.

Джо казалось, будто в мышцы ног вонзаются раскаленные острые иглы, легкие горели. Но теперь он не мог сдаться. Он продолжал держать прежнюю скорость, внимательно всматриваясь в каждого человека, возникающего впереди, и молясь о том, чтобы его решение срезать путь оказалось правильным.

Неожиданно вдали он заметил другого бегущего – единственного из всех. В тот же самый миг Браун оглянулся через плечо и – очевидно, убедившись, что за ним больше не гонятся, – слегка замедлил бег, следуя по Риджент-стрит.

Их разделяли какие-то тридцать метров, когда Браун перешел на ленивую трусцу. Джо, приближавшийся к нему под углом, воспользовался благодушием подозреваемого и вложил всю оставшуюся энергию в то, чтобы нагнать его.

Услышав, как подошвы ботинок Джо ударяются о тротуар, Браун осознал, что его по-прежнему преследуют. Он быстро обернулся, но Джо настиг его отчаянным прыжком, обхватив за пояс, – и оба они повалились наземь, беспорядочно молотя руками и ногами.

– Алистер Браун, – прохрипел Джо, – вы арестованы…

Его фраза оборвалась резким приступом тошноты.

Будучи на несколько лет моложе Джо, Браун в этой погоне сохранил больше сил. Поэтому все, на что был способен детектив, – это обхватить своего противника руками и ногами и держать мертвой хваткой. Браун резко откинул голову назад, ударив Джо затылком прямо в переносицу. Джо услышал, как что-то хрустнуло, и ощутил жгучую боль в центре лица. Он закричал, когда кровь потекла по губам в приоткрытый рот, которым он жадно хватал воздух. И все же продолжал держать Брауна, в отместку умело ткнув его локтем в кадык, заставив, в свою очередь, захрипеть и подавиться воздухом.

Браун продолжил дергаться и метаться, словно рыба, пойманная в сеть, но вырваться ему так и не удавалось. Потом, когда Джо решил, что больше не выдержит, словно ниоткуда появились два полицейских в форме. Они схватили Брауна и вздернули на ноги, а Джо перекатился на бок и попытался перевести дыхание, утирая кровь с губ и подбородка.

– Алистер Браун, вы арестованы по подозрению в изнасиловании, – выдавил он. – Вы имеете право хранить молчание, однако если вы не упомянете… – Он прервался, закашлявшись, и ощутил во рту привкус рвоты. Морщась, сглотнул ее и продолжил: – …во время допроса о том, что позже используете в суде, это может повредить вашей защите. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Джо не слушал протестов Брауна и даже не смотрел, как на того надевают наручники. Вместо этого медленно поднялся на ноги, доковылял до ближайшего металлического ограждения, повис на нем, и его стошнило за край тротуара.

Глава 3

Детектив-сержант Бекка Винсент провела карточкой-пропуском, висевшей у нее на шее, по вмонтированному в стену считывателю и отворила двойные двери, ведущие в Вестминстерский отдел уголовных расследований лондонской полиции.

В не слишком просторной комнате стояли пятнадцать металлических столов темно-серого цвета – они не менялись с девяностых годов прошлого века и резко контрастировали с современными эргономичными креслами. На каждом столе – лотки для документов; в некоторых громоздились стопки из шести или семи папок, напоминающие пластиковые сталагмиты. Бекка считала, что есть некий странный комфорт в том, чтобы в постоянно меняющемся мире с «облачными» хранилищами и невидимыми каталогами работать со старомодными бумажными документами. Куда меньше ей нравился бордовый ковролин, покрывающий пол и прилипающий к подошвам.

Кампания начальника уголовного розыска по замене компьютеров – или, по крайней мере, по более регулярному обновлению программного обеспечения – провалилась потому, что все воззвания наталкивались на директивы о сокращении бюджета. В результате под каждым столом торчали массивные корпуса, значительно сужая свободное пространство.

В этом помещении размещались двадцать четыре офицера уголовного розыска. Оно располагалось поблизости от прежней штаб-квартиры Нового Скотланд-

Ярда – до того, как его перенесли на набережную Виктории. Но суть их работы была такова, что они не всегда находились в офисе. К тому же редко присутствовали здесь одновременно, так что рабочие места каждый из них делил с кем-нибудь другим. Все, кроме Бекки. С тех пор как восемь лет назад поступила на службу в полицию, она привыкла держать все необходимое для работы в буквальном смысле под рукой – так, чтобы не нужно было за чем-либо ходить. Для нее это было проявление здравого смысла и организованности. Для всех остальных ее стол представлял собой гору хаоса, которую никто не желал делить с Беккой.

Как она ни старалась, редко успевала прийти утром на работу раньше всех. Ей препятствовали не зависящие от нее обстоятельства, такие как неполадки в работе общественного транспорта, и потому она часто появлялась в офисе позже, нежели намеревалась. Сегодняшний день был исключением – часы на стене показывали 7:38. Однако двое ее коллег уже присутствовали в кабинете.

– Что ты делаешь здесь так рано? – спросила она детектива-инспектора Нихата Одедру. Она отметила, что его обычно гладко выбритые щеки покрыты щетиной, а рубашка и галстук измяты. Белки его глаз, контрастирующие со смуглой кожей, стали розоватыми, как будто он не выспался. – Или ты явился на работу пешком прямо из дома какой-нибудь несчастной девушки, где провел ночь?

– Мне не настолько везет, – отозвался он и провел пальцами по своим коротким волосам, торчащим, словно иголки ежа. – Я всю ночь работал. В одиннадцатом часу вечера в квартире в Майл-Энде нашли труп – и вызвали, конечно же, меня. Из-за других расследований убойный отдел взял на себя общее руководство, но запросил помощи у районной команды.

– Что случилось?

– Соседи сочли, будто кто-то вломился в дом, потому что дверь оставалась нараспашку в течение нескольких часов. Два офицера из службы поддержания общественного порядка, которых туда вызвали, обнаружили внутри труп мужчины.

Бекка тихо порадовалась тому, что не ее вызвали на дело в такой поздний час. Дома она и так чувствовала себя, словно ступала по тонкому льду.

На личном уровне Нихат ей нравился. Он был умен, хорошо работал в команде и с уважением относился к Бекке. Но в профессиональном отношении она молча завидовала его достижениям. Ему было всего двадцать семь лет, а он уже прошел экзамены на повышение звания. Уже превзошел ее по службе, и ему понадобилось на это меньше времени. В его присутствии Бекка не могла не задумываться о том, что если б карты легли иначе… может быть, ей не предпочли бы новичков с честолюбивыми устремлениями, выпускников бизнес-школ. Может быть, она смогла бы подняться на следующую ступеньку карьерной лестницы. А вместо этого оставалась в нижней половине табели о рангах, чуть-чуть не дойдя до середины, и наблюдала, как те, кто поступил на службу позже нее, все чаще и чаще обгоняют ее в этом состязании.

– И что случилось с погибшим? – спросила Бекка.

– Ну-у, – ответил Нихат, – тут-то и начинается нечто интересное. Он был найден у себя в гостиной, связанный по рукам и ногам широкой клейкой лентой, с полотенцем на лице, привязанный к скамье для силовых тренировок. Одежда его была насквозь мокрой, и, судя по виду, его подвергли пытке водой.

– Пытке водой? – переспросила Бекка. – Ведь так пытают заключенных в тюрьме Гуантанамо, верно? Оранжевая тюремная форма, привязывание к доске и все такое…

Нихат кивнул и указал на монитор своего компьютера. Там красовался снимок: мужчины с лицами, закрытыми капюшонами, лежат на наклонных скамьях, в то время как им на лица из ведер льют воду.

Бекка прочитала вслух:

– «Пытка водой заключается в том, что на лицо человека, закрытое тканью, выливают жидкость – особенно на область рта и носа. Он испытывает ощущение удушья, как будто тонет на суше. Это может привести к мучительной смерти или может быть повторено несколько раз». – Она поморщилась. – Какой садизм!

– И к слову сказать, он был убит не водой, а алкоголем. Убийца явно не спешил, поскольку на месте преступления мы нашли семь пустых бутылок из-под водки, так что он, должно быть, намеренно тянул время.

– Это определенно звучит как заранее подготовленное преступление – и нечто личное, потому что он хотел, чтобы убитый страдал перед смертью. Есть какие-нибудь подозреваемые?

– Нет, мы все еще пытаемся узнать побольше о жертве убийства.

– Ты уже получил фотографии от экспертной команды?

– Я как раз собирался начать их просматривать.

Когда Нихат щелкнул по значку электронной почты на своем компьютере, Бекка подкатила к его столу кресло и всмотрелась в снимки, выведенные на экран. Первое, что она отметила, – это то, что лицо жертвы было красным и воспаленным, словно он слишком долго пробыл на солнце. Глаза его были открыты, кровяные сосуды в них полопались. По щекам тянулись багровые и алые прожилки. Темные волосы свалялись под затылком, рот все еще был завязан лоскутом ткани. По обеим сторонам жилистой шеи виднелась татуировка в каком-то этническом стиле. Она начиналась под самым подбородком и спускалась ниже ключиц. На покойнике был жилет, покрытый пятнами, и спортивные штаны, ноги босые – ни обуви, ни носков. Неожиданно Бекка заметила нечто знакомое.

– Есть крупные снимки его рук? – спросила она. Нихат пролистал значки предварительного просмотра размером с почтовую марку и щелчком мыши развернул два из них. – Я уже видела такую татуировку, – сказала Бекка, глядя на красно-желто-белое изображение дьяволоподобного существа, тянущееся по кисти правой руки убитого. – Точно такую же и не далее как вчера вечером. Какой-то бедолага упал на пути прямо перед поездом, и у него была такая же татуха – и тоже на правой руке.

– И где он жил?

– Этим делом занимается транспортная полиция, но я могу проверить.

Сделав два телефонных звонка, Бекка получила ответ.

– Квартира номер два в доме номер пятьдесят семь по Данслоп…

– …роуд, Майл-Энд, и-четырнадцать, – прервал Нихат. – Почтовый индекс…

– Шесть-эн-эн, – вместе закончили они.

В желудке у Бекки затрепетали бабочки. Это чувство она испытывала только тогда, когда наклевывалось потенциально интересное дело. Глаза Нихата блестели так же, как у нее.

– Двое мужчин проживают по одному и тому же адресу, носят одинаковые татуировки на правых руках, оба умерли с интервалом в несколько часов, но разной смертью, – подвела она итог. – Это вряд ли может быть совпадением.

– Тут определенно убийство. Но может быть, твой тип убил моего, не смог справиться с чувством вины, ушел из дома и бросился под поезд?

– Смерть моего типа наступила примерно без двадцати шесть вечера – а твоего? – спросила Бекка.

– На нем был браслет с трекером активности. Программа показала хаотичные сокращения сердца, а затем резкое прекращение в момент смерти. Судя по показаниям браслета, это было без десяти восемь вечера. Но у нас пока нет результатов вскрытия.

– Тогда версия убийства-самоубийства не прокатит. Может ли кто-то один вот так убить двух человек одного за другим, или же мы имеем двух убийц – а может, и более?

– Вполне возможно, убийц было двое. Одному понадобилось бы действовать очень организованно.

– Один из работников подземки сказал, что пассажиры слышали, как погибший перед самой своей смертью, стоя на платформе, ругался с другим человеком. – Бекка пыталась излагать это спокойно, однако ей не терпелось принять участие в расследовании. – Кто-нибудь работает вместе с тобой над этим делом?

– Офицеры из службы охраны порядка, которые нашли тело, опрашивают соседей, а твой приятель Брайан Томпсон сейчас пытается узнать имя и прочие

данные моего покойника. Но ты можешь обсудить это с Уэбстер. Она взяла руководство следствием на себя.

«Это может оказаться нелегко», – подумала Бекка. Старший суперинтендант Кэролайн Уэбстер не знала, что такое женская солидарность. Она была сурова, но справедлива, и утверждала, будто ко всем относится одинаково, однако Бекка не была в этом убеждена. Когда дело доходило до важных расследований, Бекке казалось, что ее задвигают в сторону, – как будто она была гиеной, ожидающей, пока львы закончат терзать добычу, дабы подобрать объедки. Это ее дико раздражало.

Но ситуацию можно изменить только в том случае, если она будет проявлять активность и отстаивать свою позицию. Неожиданно ей страшно захотелось проявить себя. Она не просто хотела работать над этим делом – она обязана была принять в нем участие, и не только в качестве помощника или исполнителя административной работы. Бекка намеревалась доказать себе и всем окружающим, что она такой же хороший детектив, как и все они. Это расследование само свалилось на нее – такого никогда раньше не бывало.

И внутреннее чувство подсказывало ей, что это дело может изменить все.

Глава 4

– Алло? Кто это?

Он выбрал тон, предполагавший, будто ему неизвестен номер звонящего. Однако мелодия звонка и фотография, которую он привязал к этому номеру, позволяли ему немедленно распознать, что звонит именно она.

– Ты знаешь кто, – утомленно отозвалась она.

– То есть… – поддразнил он. Взгляд его обежал коллег, сидящих в офисе открытой планировки, потом обратился на улицу за окном.

– Это твоя девушка, Зои.

– Вы не могли бы уточнить – какая именно Зои?

– Почему ты всегда притворяешься, будто понятия не имеешь, кто это, а потом говоришь все это? – простонала она. – Начинает раздражать.

– Мне нравится держать тебя в тонусе. Я не могу допустить, чтобы ты решила, будто являешься единственным приоритетом в моей жизни.

Он говорил правду относительно той роли, которую она играла в его мире, однако сообщал эту правду так, чтобы Зои решила, что он шутит.

Маргарет, его начальница, сидела в углу комнаты, склонившись над журналом со сплетнями о знаменитостях, и уплетала уже второй «Твикс» подряд; она прикидывалась, будто не подслушивает разговор. Он позволял ей считать, будто ничего из того, чем он занят в офисе, не ускользает от ее взора.

– Ты еще собираешься прийти сегодня? Потому что я, возможно, смогу уйти с работы чуть пораньше, – продолжила Зои. – Анна-Мэй должна мне пару часов за то, что на прошлой неделе я прикрыла ее, когда она страдала от похмелья.

Он притворился, будто листает ежедневник, но вместо этого принялся шелестеть страницами толстого раздела недвижимости в выпуске «Ивнинг стандард».

– Да, думаю, смогу.

– Что-то без энтузиазма…

– У меня есть пара дополнительных дел после работы, так что когда закончу с ними, поеду к тебе. Прихватить что-нибудь на ужин?

– Куриный бургер из «Нандо» со слабоострым соусом и картошка фри вполне сойдут. Кстати, как прошел вчерашний вечер?

– Вчерашний вечер? – переспросил он, не зная, что ответить. На долю секунды запаниковал, решив, что она знает, куда он ездил и что делал. Однако потом

рассудил, что это невозможно. Нельзя заранее знать, что твой парень убьет двух человек, а потом небрежно упомянуть об этом в разговоре.

– Твоя новая кухня, – продолжила она. – И встреча.

– А, да, – сказал он. – День сегодня тяжелый, я совсем забыл…

Он вспомнил, как сообщил ей о том, что собирается проконсультироваться с дизайнером по интерьерам из компании – поставщика кухонь, с которой у него заключен контракт. Мол, дизайнерша собиралась заехать, чтобы показать последние идеи. Это был финальный проект в дорогостоящей череде работ по обновлению его жилища – жилища, которого не существовало. На самом деле почти весь вечер он провел в адреналиновом приходе, глядя издали, как полиция и команда экспертов занимаются своими делами в доме, где он убил вторую свою жертву за день.

– Да, все прошло неплохо, – произнес он. – Я упомянул о том, что хочу заменить гранитные рабочие поверхности на искусственный камень, а вместо стальной раковины поставить фаянсовую.

– Я когда-нибудь смогу увидеть эту твою таинственную суперквартиру? Мы вместе уже четыре месяца, а я все еще жду приглашения.

«Четыре месяца, – подумал он, внутренне ощетинившись. – Почему я вообще позволил этому зайти так далеко?»

– Ты действительно хочешь ночевать на стройплощадке, где не подключена вода, а все вокруг покрыто пылью? – спросил он.

– Скорее всего, нет.

– Как только квартиру приведут хоть в какой-нибудь порядок, сможешь проводить там столько времени, сколько захочешь.

– Обязательно напомню… Ладно, мне пора возвращаться к работе. Увидимся позже. И знай: сегодня ночью тебе не придется много спать.

Осознав, что рассеянно улыбается, он спохватился и напомнил себе о том, чем в действительности была для него Зои. Выйдя из своей учетной записи на компьютере, он окликнул начальницу:

– Мне назначена встреча в Майл-Энде. Вернусь после обеда.

– Ладно, – ответила Маргарет. Когда он встал с кресла, она окинула его пристальным взглядом. Уголки ее губ приподнялись, и он понял, на что она намекает. Каждое его исчезновение, на которое она закрывала глаза, имело свою цену, и впоследствии ему предстояло расплатиться.

Он взял свои ключи, мобильный телефон, портфель и пиджак – однако насчет последнего передумал. В офисе работал кондиционер, поддерживая приятную прохладу, однако там, куда он направлялся, атмосфера была совсем другая.

Глава 5

Чем дольше Бекка жила и работала в столице, тем больше у нее появлялось причин для раздражения.

Это были те же самые поводы, на которые жаловались все лондонцы: например, непомерно задранные цены на недвижимость и толпы туристов, из-за которых даже самый короткий пеший путь замедлялся неимоверно. Теперь она нашла еще одну причину злиться – то, что зачастую ориентироваться в городе было невозможно. Многие владельцы зданий даже не думали о том, чтобы вешать номера на стенах домов. Иногда прикрепляли таблички с названием улицы, но часто приходилось пройти метров пятьдесят, чтобы увидеть номер, написанный на двери, и если он оказывался не тем, который тебе нужен, – вернуться обратно. Это не способствовало хорошему настроению, к тому же Бекка думала о том, что, скорее всего, зря тратит время на эту поездку.

Она держалась в тени зданий вдоль Финсбери-парк-роуд, пытаясь спрятаться от жаркого солнца, отражающегося от тротуаров. Пятый день стояла удушливая жара, и Бекку уже тошнило. Она постоянно смазывала свою светлую кожу солнцезащитным кремом; собственные волосы казались ей сухими и ломкими,

им явно требовался хороший бальзам. А недосып делал ее особенно раздражительной.

Утром, сразу же после сверки записей, она подала запрос на доступ к расследованию, которое проводил детектив-инспектор Нихат Одедра – касательно смерти в подземке и гибели от пытки водой… то есть водкой. Впрочем, первый случай все еще не был определен как убийство. Решения относительно того, кто должен заниматься этим делом, принимала старший суперинтендант Кэролайн Уэбстер, а та, как и предполагала Бекка, медлила с ответом. Кабинет Уэбстер в отделе уголовного розыска располагался за плексигласовой перегородкой, простиравшейся от стены до стены, и напоминал Бекке огромный куб для экспозиции фотографий. Уэбстер сидела за столом, на котором в безукоризненном порядке были расставлены два монитора, два телефона и клавиатура – все расположено так, чтобы Кэролайн было удобно работать. Помещение было достаточно большим, чтобы вместить восемь кресел и маркерную доску – все выглядело безупречно чистым, как будто никогда не использовалось. Бекка гадала, царит ли такой же стерильный порядок дома у старшего суперинтенданта.

– На какой стадии находится ваше расследование относительно нападений вокруг Старого рынка Биллинсгейт? – спросила Уэбстер.

– Произведены аресты, королевская прокурорская служба рассматривает улики. Вместе со мной над этим работала Сью Дженкинс; она может разобраться в том, что всплывет в процессе.

– Кто-нибудь уже признан виновным?

– Нет. Сейчас они выпущены под залог.

Уэбстер поджала тонкие губы, глядя на Бекку, выражение ее лица было скептическим. Однако Бекка не намеревалась упускать возможность так просто.

– Послушайте, мэм, мне очень нужно это дело, – сказала она. – Это я заметила связь между трупом под поездом и жертвой «утопления на суше». Мне уже давно не удавалось взяться за что-то столь важное. Дайте мне возможность показать, на что я способна. Мне очень интересно это расследование. Несколько дней – и если будете недовольны моим продвижением, замените меня кем-

нибудь другим.

Уэбстер соединила пальцы скобочкой перед лицом.

– Хорошо, – ответила она. – Как вам известно, я назначаю Нихата старшим офицером, ответственным за следствие, так что следуйте его указаниям. Но мне нужно, чтобы вы полностью сосредоточились на этом деле, Бекка. Если этого не сделаете, мне придется вас отстранить.

– Спасибо, – отозвалась Бекка и постаралась сдержать улыбку, пока не вышла из кабинета Уэбстер и не присоединилась к Нихату и двум его коллегам-следователям, стоящим возле его стола.

– Как раз вовремя, – обратился к ней Нихат. – Бек, ты можешь узнать, где Лондонский транспорт хранит записи с камер наблюдения? Нужно повнимательнее взглянуть на то, что происходило, когда тот бедолага упал под поезд, и отмотать назад минимум пару часов, чтобы посмотреть, не шнырял ли кто-нибудь по платформе дольше необходимого. Может быть, удастся заметить какие-нибудь знакомые лица. Проверь еще записи с камер на входе и выходе.

– Будет сделано, – с энтузиазмом отозвалась Бекка.

Но втайне она уже чувствовала себя несколько разочарованной. По прошлому опыту сержант считала просмотр записей самым утомительным – и до ужаса скучным – аспектом любого следствия. Каждую надо было просмотреть покадрово, и на это требовалась целая вечность. Чего на самом деле хотелось Бекке – так это отправиться на место обнаружения второй жертвы, взять показания у соседей, сложить воедино картину действий убитого. Некоторые офицеры ненавидели опрос на месте, и такой опрос часто оставляли на исполнителей более низкого звания. Но Бекке нравилась эта задача – попытка найти иголку в стоге сена.

– Ах да, – добавил Нихат. – Несколько дней назад сверху пришло электронное письмо с предложением задействовать услуги суперраспознавателей. Может быть, стоит связаться с ними и проверить, не готов ли кто-нибудь помочь? Возможно, это ускорит дело.

– Суперчто? – переспросила Бекка.

– Суперраспознаватели. Прозвище сотрудников Отдела визуального распознавания, обнаружения и идентификации. Там работают детективы с фотографической памятью на лица. Из обладающих такой способностью соорудили целое подразделение.

Бекка прищурилась.

– Ты меня разыгрываешь?

– Нет, оно действительно существует. Мне это кажется полной чушью, но что я вообще об этом знаю?

– А что, эти суперраспознаватели носят костюмы супергероев, или как?

– Спроси у них, – ответил он. – Я уверен, им понравится, если ты это предложишь.

– И что дальше? – пробормотала Бекка, закатывая глаза. – Министерство магии?[6 - Отсылка к соответствующему учреждению из цикла о Гарри Поттере.]

Она вернулась к своему столу и поискала во внутренней сети следы существования подобного отдела. Потом повернулась к сержанту Брайану Томпсону, занимавшему стол позади нее. Ему не меньше, чем ей, хотелось принять участие в этом расследовании.

– Брайан, что ты знаешь о суперраспознавателях?

Он почесал подбородок и пожал плечами.

– Наверху решили, что лучше оставить их в здании бывшего полицейского управления, чтобы не путались под ногами и занимались только своим делом. Судя по тому, что я слышал, они весь день сидят на задницах ровно и просматривают фотографии, пытаясь сопоставить их с именами преступников, в то время как мы пашем на местах и гоняемся за настоящими преступниками.

– Звучит смешно, – ответила Бекка. – Интересно, где они ухитряются находить деньги для финансирования таких дурацких идей, в то время как в копилочке настолько пусто, что мы до сих пор работаем на восьмой «винде»?

Сделав один телефонный звонок, она отправилась к месту назначения. В конце концов – после того как проверила почтовый индекс на гугл-картах, походила туда-сюда и дважды прошла мимо – наткнулась на нужный дом. Окинула неодобрительным взглядом подъезд с облупившимися стенами и застарелым запахом мочи. К стене был прикреплен серебристый интерком с четырьмя кнопками, ни одна из которых не была подписана. Поэтому она нажимала все по очереди, пока не получила ответ.

– Алло? – произнес мужской голос сквозь треск помех.

– Здравствуйте, – ответила Бекка. – Я ищу ОВРОИ.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Детектив-сержант Бекка Винсент, – назвалась она. – Мне нужно встретиться с Джо Расселом.

Затем поднесла свое удостоверение к крошечному объективу камеры и неискренне улыбнулась. Обычно сержант слегка нервничала, посещая другие отделы. Похоже, здесь она только зря потратит время – свое и чужое.

Щелкнул замок, и Бекка открыла дверь, оказавшись в пустом вестибюле. Он был отделан в стиле ар-деко[7 - Ар-деко – стиль на стыке модерна, классики и авангарда, популярный между мировыми войнами.], с узорчатыми абажурами, спиральными завитками на чугунной решетке лестничных перил и темно-зеленым мраморным полом, который, судя по всему, целую вечность не видал швабры и моющего средства. Табличка «Не работает», висящая на двери лифта, успела выцвести – вероятно, она болталась здесь достаточно давно, чтобы успеть выгореть на солнце.

Бекка поднялась на три пролета по узкой лестнице. Чувствуя, как под мышками начинают образовываться мокрые пятна, пожалела о том, что не надела сегодня блузку потоньше.

Она остановилась, оказавшись в коридоре перед закрытой дверью. Из-за двери доносились приглушенные голоса. Бекка медлила, не зная, кто и что встретит ее за дверью.

Глава 6

Бекке было не привыкать работать в кабинетах, где царил беспорядок, но здесь ее ожидало нечто новенькое.

Как только она открыла дверь, ей показалось, будто с каждого квадратного дюйма помещения на нее смотрят сотни пар глаз. Стены были сплошь увешаны изображениями людей: снимки, сделанные при арестах, кадры, вырезанные из записей камер наблюдения, фотороботы лиц всех возможных возрастов и национальностей. Свободное место оставалось только на оконных панелях и на потолке, обклеенном пенополистироловыми панелями. Оглядевшись по сторонам, Бекка насчитала семь настоящих, живых людей: четверых мужчин и трех женщин. Некоторые оторвались от мониторов своих компьютеров, чтобы посмотреть на нее так, будто посетители здесь были редкостью. Это заставило ее почувствовать себя важной птицей.

Сама она смотрела на одного из мужчин, который, не замечая ее присутствия, изучал свое отражение в зеркальных стеклах солнцезащитных очков. Затем вскрыл пачку лейкопластыря и стал отрывать старый пластырь с мозолей у себя на пятках и мизинцах ног. Бекка сочла его весьма симпатичным, почти красивым. Его темно-каштановые волосы были зачесаны назад и удерживались в этом положении при помощи геля, блестевшего на свету. Кожа у него была бледной, отчего черно-фиолетовые синяки у него под глазами выделялись еще резче.

– Здравствуйте, – нерешительно начала Бекка.

Он поднялся из-за своего стола и направился к ней, так и не обувшись, потом представился:

– Детектив-сержант Джо Рассел. А вы детектив-сержант Винсент? – Протянул ей руку, широко улыбаясь.

Бекка кивнула, понимая, что ведет себя, словно застенчивая девочка-подросток. Краска залила ей лицо, и сержант испугалась, что выдала свой далеко не профессиональный интерес к этому человеку.

Она отметила, что взгляд его ярко-синих глаз – с длинными темными ресницами, за которые она пошла бы на убийство, – ни на миг не оказался направлен ей прямо в глаза. Вместо этого Рассел смотрел на ее лицо в целом, на секунду задержавшись на ее носе. Бекка заволновалась, что из ее ноздрей высовывается что-то, незримое для нее самой, поэтому резко втянула воздух носом. Джо опустил взгляд на свою руку, потом снова посмотрел на Бекку, и она осознала, что так и не разомкнула рукопожатие. Поспешно отдернула ладонь.

– Проходите, мы не кусаемся, – заверил Джо. Зубы у него были такие ровные, что если б он захотел ее укусить, она, возможно, разрешила бы ему.

– Что у вас с лицом? – спросила Бекка.

– Неудачно ударился носом о голову преступника, когда преследовал его. Но в конечном итоге мы его скрутили, так что ничего страшного. Ну, не считая моего лица и ног.

– Я думала, вы работаете только в офисе, как любая вспомогательная команда… Не знала, что вы действуете и на местах.

Ответом на ее реплику был разочарованный взгляд.

– Вы, кажется, сказали по телефону, что вам нужна наша помощь? – спросил Джо, жестом приглашая ее сесть в свободное кресло, стоящее у его стола. Сам тоже присел и натянул носки и ботинки.

Бекка кратко обрисовала обстоятельства дела, над которым работали они с Нихатом, и упомянула о том, что находилась на станции подземки, где погиб Стефан Думитру.

– И вы хотите, чтобы я просмотрел записи с камер наблюдения вместе с вами? – спросил Джо.

– Разве не этим вы все занимаетесь – смотрите на снимки и пытаетесь распознать знакомые лица?

– Хотелось бы думать, что это далеко не все, – отозвался Джо, откидываясь на спинку кресла и складывая руки на груди.

Бекка была достаточно сообразительной, чтобы заметить, что она кого-то раздражает, пусть даже не имея подобных намерений. «В самом деле, – подумала сержант, – насколько тяжелой может быть их работа?»

– Во внутренней сети не было никаких подробностей касательно того, чем вы занимаетесь, – продолжила она, – но у меня сложилось впечатление, что ваш отдел – в некотором роде эксперимент.

Женщина, работавшая за другим терминалом, повернула голову.

– Мы работаем уже шесть лет, так что, полагаю, мы чуть больше, чем просто «эксперимент», дорогуша.

– Поскольку не все представители силовых структур могут мыслить достаточно широко, то нас не всегда понимают в других отделах, – сказал Джо. – Тем хуже для них, потому что процент раскрытия у нас больше, чем у большинства других. Однако в отличие от них мы не ищем славы, чтобы оправдать свое существование. Уверен, что, работая в уголовном розыске, вы постоянно видите людей, которые ставят самолюбие превыше всего, так?

Атмосфера сделалась заметно холоднее, и Бекка внутренне ощетинилась. Она упорно трудилась вопреки всему, что препятствовало ей, и это не имело никакого отношения к самолюбию. И ей не нравилось, когда ее коллег выставляли в черном свете.

– Должно быть, трудно оправдывать свое существование, если никто о нем не знает, – парировала она.

– Вы правы, большинство людей даже не знают, кто мы такие. Если нас переместят в Новый Скотланд-Ярд, мы окажемся на виду, и тогда придется оправдываться за каждое действие. Невозможно делать свою работу, если тебя постоянно критикуют. Так что мы вполне довольны тем, что нас оставили здесь и предоставили заниматься своим делом. А мы делаем его чертовски хорошо.

– Но вам все же нужно отчитываться за все, как и нам – всем остальным.

– То, что мы делаем, – не совсем точная наука.

– А наука тут вообще при чем? Поправьте меня, если я ошибаюсь, но у вас просто хорошая память, верно?

– На лица – да. Если мы вас увидели, уже не забудем.

– Никогда?

– Ну, для разных людей по-разному. Но нас собрали из разных отделов столичной полиции, потому что в наши мозги встроено прирожденное умение распознавать лица – лучше, чем у компьютеров.

Мужчина с седыми волосами и желтыми прокуренными усами выглянул из-за своего монитора.

– Взять волнения в Лондоне в две тысячи одиннадцатом году, – начал он. – Полагаю, вы их помните или же просидели все то время в своем безопасном офисе, глядя новости?

– Тогда я была на переднем крае, среди других полицейских, – возразила Бекка. Она вспомнила, как всего спустя год работы в полиции была направлена к торговому комплексу в Тоттенхэм-Хейл. Ей с командой предстояло предотвратить грабежи магазинов во время бунта, вспыхнувшего после того, как полиция застрелила человека. За четыре дня Бекке пришлось арестовать множество людей; в итоге у нее было сломано запястье, выбит зуб и повреждена коленная связка.

– Нам предстояло просеять двести тысяч часов записей с камер наблюдения, – продолжил седой мужчина. – Мы сгенерировали пять тысяч изображений и по ним идентифицировали более шестисот подозреваемых. Они были осуждены за грабежи, поджоги и нападения. Один только Джо успешно провел более трехсот опознаний. А скольких вычислил уголовный розыск?

– Понятия не имею. – Бекка пожала плечами.

– Семнадцать, – ответил мужчина и сложил руки на груди. – Проверьте, это есть в отчетах.

«Дурацкий разговор», – подумала Бекка. Ей не нравилось чувствовать себя загнанной в угол. Их самодовольство раздражало ее. И она не хотела, чтобы они полагали, будто одержали над ней победу, впечатлив голой статистикой.

– Можете самостоятельно заняться просмотром записей из подземки, если не верите в то, что мы делаем, – сказал Джо. – Я уверен, в конечном итоге вы сможете найти то, что ищете.

Бекке очень хотелось отказаться от его услуг ему назло – только чтобы доказать, что он ошибается. Но если они были так хороши в своем деле, как утверждали, то она сможет вдвое быстрее покончить со скучной рутиной и вернуться к настоящим делам, которыми занимаются ее коллеги. Поэтому придержала язык – к тому же ей было любопытно непосредственно увидеть работу Джо.

– Я договорилась о встрече в компании, где хранятся все цифровые записи Лондонского транспорта, – сказала Бекка. – Нам следует отправиться туда.

– Конечно, – отозвался Джо и потянулся за своим рюкзаком и сумкой. – Позвольте показать вам, на что способен суперраспознаватель. Хотя мне хотелось бы, чтобы нам придумали другое прозвище. Каждый раз, когда я называю себя подобным образом, это звучит так, словно я должен носить костюм супергероя.

Бекка улыбнулась про себя, подумав, что в конце концов они все-таки смогут поладить.

Глава 7

Он привалился к стене платформы, испытывая чувство признательности за то, что плитки, с которыми соприкасалась спина, оказались такими прохладными. Прохлада проникала сквозь тонкую ткань его рубашки с короткими рукавами и несла облегчение посреди удушливой жары. Он снова воспользовался приемами медитации, чтобы успокоиться и держать клаустрофобию в узде.

Каждый поезд, вырываясь из тоннеля на станцию, нес с собой порыв сквозняка, почти такой же прохладный, как плиточное покрытие стен. Однако он все еще не был готов войти в вагон – и пока что использовал свободное время, чтобы оценить свои достижения.

Прошло менее суток с того момента, как он прервал нити жизней Стефана Думитру и Дариуса Чебана. В трех метрах от того места, где он сейчас стоял, он поверг великана уколом тоненькой иглы. Никто из тех, кто сейчас торчал на платформе в ожидании поезда, не знал об этом. Все были заняты своими делами, и единственным напоминанием о случившемся был распечатанный на копире лист с призывом к свидетелям обратиться в полицию. Да и он висел наверху, на доске объявлений возле турникетов.

У него не было времени полностью осмыслить смерть Думитру, потому что позже в тот же вечер последовало второе убийство. Два убийства в течение двух часов, в двух абсолютно разных местах и двумя совершенно разными способами… Он решил, что это большое достижение, особенно для новичка. Жалел лишь о том, что ни с кем не может поделиться этим триумфом.

Он ничуть не сомневался в том, что оба убитых получили по заслугам. И хотя прошло меньше суток, крошечная часть рассудка все еще не могла поверить в то, что убийства сошли ему с рук.

Ни Думитру, ни его кузен и сосед по квартире, Чебан, даже понятия не имели, что он почти год выслеживал их. Они не замечали, как он преследует их – пешком, на поезде подземки, на машине или на автобусе. Они не знали, что он перехватывает их почту, подает запросы на кредиты от их имени или подстраивает свой образ жизни под них. Когда он постучался к ним в дверь с планшеткой в руках, назвался представителем их квартирохозяина и сказал, что

пришел проверить счетчики, Чебан даже не усомнился ни в чем.

Оба этих человека жили заемным временем – и именно он одолжил им это время. А вчера забрал обратно.

Они отчасти были в ответе за его состояние. Мысли его обратились в прошлое, к тому времени, когда он едва мог встать с больничной койки; к тому времени, когда даже простейшие задачи, такие как умывание или переодевание в свежевыстиранную одежду, требовали от него неимоверных усилий. Считается, что время лечит, и те, кто занимался его реабилитацией, уверяли, что все это не навсегда. Он хотел верить им и цеплялся за эту надежду зубами и ногтями, пока постепенно не нашел другой способ выжить. Единственный способ заполнить болезненную пустоту, которую он носил в себе, – это причинить зло всем, кто причинил зло ему.

Изначально у него были сомнения. Он действительно не знал, уйдет ли его боль, если он обагрит руки их кровью. Но терять ему было нечего – а значит, стоило проверить. Та жизнь, которую он знал, уже закончилась – он ничем не рисковал, а обрести мог все.

Взгляд его обратился на очередной поезд, который вырвался из тоннеля и остановился у платформы. Стекло кабины было слишком темным, чтобы можно было разглядеть лицо машиниста, сидящего внутри, и он задумался: не тот ли это самый машинист, который убил Думитру? Скорее всего, нет, решил он. Того машиниста, скорее всего, перевели на другую ветку, дали ему отпуск или отправили на психотерапию. Он не сомневался в том, что машинист снова и снова переживает момент столкновения – потому что сам переживал этот момент. Он подумал о том, как это забавно: они оба убили одного и того же человека, но только один из них смеялся при этом.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить, издало ли тело Думитру какой-либо звук при ударе. Все случилось так быстро, что, если какой-либо звук и был, он его не заметил. Помнил лишь неистовое биение собственного сердца – до того момента, пока вокруг не поднялся шум и гам. Он сомневался в том, что Думитру хотя бы вскрикнул при ударе. Конечно, был риск того, что румын переживет столкновение с поездом, но если б оно даже не убило его, то убила бы огромная доза сукцинилхолина, впрыснутая ему. После того как вещество парализовало его мышцы, до смерти оставалось менее минуты.

Смерть Чебана была иной. Не было той тревоги, которую он ощущал, убивая Думитру буквально на глазах у целой толпы, где столь многое могло пойти не так. Второе убийство было методичным, бесстрастным и неспешным. Участь Чебана была полностью под его контролем, и он дал себе время полностью насладиться тем, как приговоренный умирает.

Чтобы Чебан впустил его в дом, он представился полицейским, и с того момента как вонзил иглу шприца глубоко в шею Чебана, никуда не спешил, позволив себе упиваться процессом от начала и до конца. Он смаковал этот полный контроль над жизнью другого, отмеряя, сколько мучений Чебан может выдержать, находясь под воздействием успокоительного средства, сколько может продлиться эта пытка. Затем, спустя тридцать пять великолепных минут, когда Чебан лежал навзничь, медленно задыхаясь, он ощутил такое ликование, что пришлось прерваться, дабы утереть слезы, струящиеся по щекам. Может быть, и не их действия положили начало всему, однако он сделал правильно, что избрал этих двоих в качестве первой цели. Они были разминкой перед началом большой игры.

Он сказал себе, что достаточно скоро его работа будет завершена. Два из шести имен в его списке уже зачеркнуты, а тщательное планирование и его навыки организатора означают, что остальные вскоре последуют за этими двумя – одно изысканное убийство за другим.

Взглянув на часы, он осознал, что стоит на платформе почти целый час и вскоре нужно вернуться в офис. Маргарет не будет бесконечно закрывать глаза на его «гибкий график». Зайдя в вагон, он приложил руку к груди и нащупал контур серебряного кольца, висящего на тонкой цепочке под рубашкой. Он думал о том, насколько лучше это кольцо смотрелось бы на пальце, для которого было предназначено, нежели у него на шее. Еще одно напоминание о том, почему он делает то, что делает…

Он склонил голову набок, заметив женщину, выходящую из другого вагона. Та остановилась на платформе, окидывая взглядом станцию. Если б он верил в судьбу, счел бы совпадением, что их пути пересеклись. Но он не верил в то, чего не мог увидеть или потрогать, – не считая любви. В его мире не существовало совпадений – только тщательно выстроенные им сценарии. Она оказалась здесь из-за него.

Глава 8

Бекка надавила на веки большим и указательным пальцами. Глаза уже саднило от недосыпа, и ее совсем не радовало, что остаток дня придется провести, глядя на изображения на мониторе. Она уже давным-давно откладывала визит к окулисту – и не хотела туда идти, поскольку знала, что ей выпишут очки. Только холеные секретарши в телевизионных шоу и хипстеры могут носить очки и все равно выглядеть привлекательными. Таким женщинам, как Бекка, – одиноким, в возрасте за тридцать пять лет – они придавали нелепый и хмурый вид.

Не то чтобы поиск мужчины стоял в первых строках ее списка приоритетов – или вообще входил в этот список. Она постоянно уставала настолько, что по вечерам, добравшись до своей постели, хотела только одного: спать. Даже не купила батарейки для устройства, которое приобрела на сайте «товаров для взрослых» – и даже не распаковала его. И у нее не было никакого желания пролистывать сайты знакомств в поисках Мистера Совершенство.

Джо либо полностью забыл, либо вообще игнорировал тот факт, что он здесь не один: за все время он не произнес и пары слов. В любом случае это раздражало Бекку. Он полностью сосредоточился на задании, выискивая знакомые лица на мониторах в офисе, где Лондонский транспорт хранил записи с камер наблюдения; офис был расположен в культурном центре «Барбикан». На серверах, находящихся в этом здании, был записан каждый момент каждого дня – камеры были установлены в красных автобусах, наземных и подземных поездах и на автодорогах.

Бекка посмотрела на кадры, сменяющиеся на мониторе.

– Пауза, – скомандовал Джо, и она нажала на клавишу на клавиатуре. – Он похож на Думитру, – продолжил распознаватель и указал на мужчину, обращенного спиной к камере: тот расталкивал пассажиров, чтобы добраться до края платформы. Бекка узнала ярко-розовую футболку, которую видела на цветных фотографиях, сделанных криминалистами на месте происшествия.

– Теперь смотрим на людей, стоящих вокруг него, – сказал Джо. – Если его толкнули, это должен был сделать кто-то рядом.

Они молча смотрели, как Думитру затеял ссору с человеком, стоящим позади него. На миг Думитру оказался лицом к камере, потом снова повернулся спиной к оппоненту. Несколько секунд спустя обернулся вновь, но на этот раз его движения были более агрессивными.

– И вы были на платформе и не видели этого? – спросил Джо.

– Я была занята тем, что проверяла почту на телефоне, – ответила Бекка. Лучше было не признаваться, что она увлеклась игрой в «Кэнди краш»[8 - «Кэнди краш» (англ. Candy Crush) – игра из серии «собери три в ряд», одна из самых скачиваемых мобильных игр в мире.]. – Смотрите, он на него замахнулся!

Но прежде чем Думитру нанес удар, его рука вяло упала вдоль бока. Потом он начал терять равновесие и завалился назад. Несмотря на то что Джо и Бекка знали, каков будет финал, оба вздрогнули при появлении поезда. Нос кабины толкнул падающего Думитру в плечо, бросил вперед, а потом его затянуло под вагон – так же легко, как пылесос втягивает рисовое зернышко.

– Боже, – прошептала Бекка. Она не раз видела последствия смерти в записях и лично, но никогда не видела сам момент убийства. Однако это была их работа – и они быстро отрешились от чувств, вызванных гибелью Думитру, раз за разом перематывая запись к началу сцены и просматривая ее с постоянными паузами.

На стенах платформы и потолке тоннеля были закреплены пять камер, показывавших место действия с разных точек. Все их записи нужно было тщательно просмотреть, кадр за кадром. Но Бекка была голодна и знала, что не сможет сосредоточиться, если не поест.

– Я собираюсь пойти и купить еды, – сообщила она. – Вам что-нибудь принести?

– Да, спасибо, – пробормотал Джо, но не высказал никаких конкретных пожеланий. Бекка покачала головой и вышла, досадуя на то, что ей приходится общаться с кем-то настолько красивым, но при этом совершенно равнодушным и неразговорчивым. Жаль, что нельзя прямо сейчас оказаться в офисе уголовного розыска.

Двадцать минут спустя она вернулась, купив в аптеке глазные капли, а в сэндвичной «Прет-а-манже» – большой пакет еды и две банки холодного

лимонада. За время ее отсутствия Джо, похоже, даже не сдвинулся с места и на ее возвращение никак не отреагировал. Запрокинув голову назад, Бекка закапала по две капли из аптечного флакончика в каждый глаз.

– Как вы еще не ослепли – так долго смотреть на экран? – спросила она, протягивая Джо упаковку с обедом. Со всех сторон из сэндвича торчали кусочки курятины и салата-латука. Джо даже не посмотрел, что собирается есть, – просто развернул целлофан и откусил кусок.

– Если я перестараюсь, то заработаю приступ мигрени, который выведет меня из строя на пару дней. Так что пытаюсь вести себя разумно.

– Но разве все эти лица у вас не сливаются в одно? У меня уже начали.

– Пока что нет. Я вижу различия во всех лицах, на которые смотрю.

Бекка откусила слишком большой кусок сэндвича и почувствовала, как майонез стекает по ее подбородку – и конечно же, как раз в этот момент Джо повернулся к ней. Она попыталась стереть соус пальцами, но вместо этого только размазала его. Заметила, как Джо прячет усмешку.

Разблокировав телефон, он вывел на экран фотографию Стефана Думитру, присланную Нихатом. Она была взята из базы данных уголовных дел, куда Думитру в прошлом был внесен за участие в драке.

– Когда вы смотрите на его лицо, что первое вы видите?

– Его глаза.

– Это то, на что смотрит большинство людей. Однако такие люди, как я, фокусируются на середине лица и носе. Таким образом, мы можем лучше рассмотреть лицо человека в целом и запечатлеть его в памяти.

– Можно ли натренироваться, чтобы стать таким, как вы?

– Нет. Это как-то соотносится с двумя крошечными боковыми участками мозга, которые активизируются, когда мы видим чье-то лицо – вживую или на фото.

Такие люди, как вы, могут распознать примерно двадцать процентов лиц. У суперраспознавателей этот процент доходит до восьмидесяти.

– Мне кажется, вы хвастаетесь.

– Если вас это утешит, в остальном память у меня довольно плохая.

Слушая рассуждения Джо, Бекка не могла не заметить то, с каким энтузиазмом он относится к своей работе. Она украдкой взглянула на его безымянный палец и сама удивилась тому, насколько ее порадовало, что кольца на этом пальце не оказалось. Однако это не означало, что дома его не ждет постоянная возлюбленная, двое (или даже семеро) детей и лабрадор-ретривер.

Прошло два с половиной часа, прежде чем они отсмотрели последнюю запись с камер.

– Почему у вас в офисе все стены увешаны снимками? – неожиданно спросила Бекка.

– Мы называем их «преуспевающими неизвестными». Они снова и снова попадают на камеры, совершая одни и те же преступления, но мы пока что не можем опознать их.

– Но, я полагаю, у суперраспознавателей есть свой срок годности, верно? Разве это не та работа, для которой созданы программы по распознаванию лиц? Их использует даже Фейсбук. Ведь это должно быть намного быстрее, чтобы вам не пришлось тратить столько времени.

При этих словах Бекки Джо возвел глаза к потолку.

– Еще одно распространенное заблуждение у людей, которые слишком легко верят в то, что им показывают в кино или по телевидению, – отозвался он. – Знаете, сколько человек было опознано этими программами во время лондонских беспорядков? Ровным счетом один.

– Один, – повторила Бекка, даже не пытаясь скрыть недоверие. Ей хотелось добавить: «Вы что, считаете меня дурой?» – однако она удержалась.

Когда запись подошла к концу, Бекка расправила ссутуленные плечи, и суставы ее щелкнули. Ей казалось, что мир действительно навалился на нее всей своей тяжестью.

– Итак, у нас пока нет никаких доказательств того, что Думитру толкнули, – сказала Бекка. – И я думаю, что самоубийство можно исключить, если только он не талантливый актер. Выглядит так, как будто он просто… упал.

– Если не заниматься в качалке круглые сутки, то без стероидов такие мышцы не накачаешь, – отозвался Джо. – Может быть, у него просто сдало сердце.

Несколько секунд оба сидели молча, не очень-то стараясь скрыть свое разочарование оттого, что дело оказалось не столь зловещим, как они надеялись. Бекка понимала: к тому времени как она вернется в отдел уголовного розыска, расследованием убийства Чебана будет заниматься достаточное число детективов, и ей останется только подбирать крошки, упавшие со стола. Она гадала, сильно ли разочарован Джо тем, что ему не удалось блеснуть своими способностями перед скептиком в ее лице.

– Что ж, в любом случае спасибо за помощь, – произнесла сержант, когда они оба встали и вышли за дверь кабинета, в коридор. – Извините, если это было напрасной тратой вашего… – Ее реплику оборвал телефонный звонок. Спустя несколько минут разговора она остановилась и похлопала Джо по плечу. – Спасибо, Ник[9 - Имя Нихат записывается латиницей как Nikhat, отсюда и такое сокращение.]. – Улыбнулась и завершила звонок.

– Нихат – ведущий детектив в расследовании по делу Чебана, – объяснила Бекка. – У него есть старый товарищ по универу, который по-быстрому соорудил токсикологические отчеты. И Чебан, и Думитру перед смертью были обколоты. У Чебана в крови оказалось достаточно пропофола, чтобы это парализовало его, а Думитру получил огромный передоз какого-то другого вещества. Нихат говорит – количество было такое, что Думитру должен был умереть примерно через минуту после того, как ему это ввели.

– Думитру стоял на платформе около четырех минут, – сказал Джо. – Это вещество должны были ввести ему, пока он находился там. Мы должны получить как можно более отчетливые изображения людей, окружавших его.

Бекка ощутила новый прилив энтузиазма – ее внутренний инстинкт относительно этого дела оказался правильным. Сейчас она непосредственно занималась расследованием двойного убийства.

Они вернулись в кабинет с мониторами, откуда только что вышли, и, выведя записи на экраны, стали внимательно всматриваться в трех незнакомцев, стоящих ближе всего к Думитру.

Телефон Бекки завибрировал – пришло текстовое сообщение. Она посмотрела на экран, и Джо заметил, как она нахмурилась.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, – солгала она.

Тридцать минут спустя Джо распечатал изображения троих людей. Бекка рассудила, что первый из них, судя по телосложению, – мужчина. Несмотря на жару, царившую в подземке в вечер гибели Думитру, человек был одет в худи с капюшоном, прикрывавшим его лицо. Маскировался ли он намеренно? Судя по цвету его рук, он, вероятно, принадлежал к белой расе. Украшений на нем не было, никаких особых примет – тоже. После того как Думитру упал под поезд, этот человек бросился на помощь, даже разговаривал с представителями Лондонского транспорта, но, выйдя из кадра, скрылся в слепой зоне, которую камеры на платформе не захватывали.

Второй была женщина с длинными темными волнистыми волосами; на груди у нее в слинге висел младенец. Третьим был наполовину лысый мужчина с татуировкой на руке, вступивший в ссору с Думитру. Бекка посмотрела на Джо, на губах которого играла довольная улыбка.

– Он, – произнес Джо, указывая на лысого на экране.

– Кто он?

– Пока что я не могу назвать его имя. Но он мне знаком. Вы знаете, что, когда в Лондоне происходит преступление, практически любое, – мы смотрим, попало ли оно на камеры наблюдения?

– Нет, я только сегодня утром приступила к этой работе, – ответила Бекка, не скрывая сарказм.

– Извините. Так вот, в Лондоне больше миллиона камер наблюдения. Так что, как только становится известным место преступления, мы смотрим записи ближайших камер, снимаем кадр с лицом преступника и загружаем его в централизованную столичную базу криминалистических данных. За последние шесть лет туда попало около ста тысяч изображений неоподов – неопознанных подозреваемых; у каждого есть свой шестизначный код, и этим кодам мы потом присваиваем метаданные.

– Метаданные?

– Я забыл, вы же сказали, что только сегодня утром приступили к этой работе, – с кривой усмешкой отозвался Джо. – Метаданные – это ключевые слова, имеющие отношение к преступлению, к тому, где оно произошло, или к внешности преступника. Они помогают в дальнейших расследованиях – например, как сейчас. По картинке с камеры мы видим, что мужчина, которого я узнал, белый, в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, почти лысый, коренастый, с татуировкой на левой руке. Когда я введу эти данные в поиск, это сузит число возможных субъектов со ста тысяч до куда более приемлемого.

– Сколько подробностей вы можете ввести?

– Столько, сколько захочется. Мы используем такие метки, как «гладкая прическа», «шрамы», «сломанный нос», «виниры»[10 - Виниры – накладки на зубы для придания им максимально эстетически привлекательного вида.], «отсутствие пальца», «выбитые зубы», «выступающие вены» и так далее. Меня это неизменно удивляет, однако те, кто совершает повторяющиеся преступления, часто надевают одну и ту же одежду, собираясь «на дело». Такое впечатление, что для них это рабочая униформа. Мы ставим на изображения такие метки, как «красная бандана», «футболка “Супер-драй”»[11 - «Супердрай» – британская марка модной одежды.], «белые кеды-“Конверсы”» и все в таком духе. Позже, вернувшись в офис, я просмотрю все фотографии людей, соответствующих описанию этого человека.

– И сколько времени это у вас займет?

– Мне может повезти, и я найду кого-нибудь за несколько минут, иначе же это займет несколько часов. Как только ты начинаешь искать, это затягивает. Ты не можешь остановиться, пока не найдешь нужного.

Бекка не знала, что выбрать. Она хотела посмотреть, как он работает, но время было не на ее стороне. Сержант посмотрела на часы. Почти половина шестого. Иногда она хотела бы работать с девяти до пяти, а не с самого ранья и покуда не закончишь. Но сейчас понимала, что, если не направится домой, ее будут ждать упреки.

– Что ж, не работайте совсем уж допоздна, – произнесла она.

– Пока вы не ушли – можно попросить номер вашего телефона?

От этого неожиданного запроса Бекка ощутила трепет внутри. Начало их совместной работы было не очень хорошим, и она знала, что не умеет быть привлекательной так, как это принято сейчас. К тому же Джо не проявлял никаких признаков того, что интересуется ею.

– Конечно, – ответила она.

– Я напишу вам позже, если найду его в базе данных, – добавил Джо.

– Да-да, – произнесла Бекка, чувствуя себя глупо из-за того, что поверила, будто есть какая-то другая причина. Вбила свой номер в его телефон и заметила на заставке экрана фото: пес, лежащий на стеганом покрывале, задрав лапы к потолку и широко раскрыв пасть. Казалось, он улыбается.

– Ваш? – спросила Бекка.

– Да, зовут Оскар, – ответил Джо с гордостью. – Мы взяли его еще щенком.

«Мы». Бекка едва удержалась, чтобы не повторить это вслух. Значит, у него кто-то есть.

– Я оставил его у себя, когда мы разошлись, – продолжил Джо, и на миг лицо Бекки прояснилось.

Позже в тот вечер, когда она сидела у себя в гостиной, широко открыв окна и наслаждаясь прохладным ветерком и стаканом белого вина, пришло первое сообщение от Джо. К сообщению был прикреплен снимок из досье.

Бекка, познакомьтесь с Никки Пенном, – писал Джо.

Вы его нашли! – немедленно ответила она. – Он из ваших неоподов?

Ого, усваиваете наш жаргон! Нет, но привлекался за избиение своей бывшей. Также у него есть условный срок за футбольное хулиганство, вдобавок он состоял в запрещенной группе «Сохраним Британию белой». Но вот уже тринадцать лет за ним ничего не числится.

Считаете, эти убийства могли быть совершены по расовым мотивам?

Не исключено.

Бекка позвонила Нихату, чтобы сообщить ему последние известия. Инспектор решил, что, поскольку досье Пенна чисто с самого 2003 года, его следует расценивать скорее как свидетеля, чем как подозреваемого. Соответственно, с визитом к нему можно подождать до следующего утра. Когда Бекка написала об этом Джо, он предложил присоединиться к ней.

Вам что, больше нечем заняться? – набрала она.

Хотелось бы на это посмотреть. x[12 - В сетевой переписке «x» означает поцелуй любого рода, иногда самый невинный, полностью аналогичный, скажем,

приветствию или прощанию, – но в любом случае это признак неформального общения.]

Напечатанная им буква «х» заставила Бекку задуматься: уж не флиртует ли он? Она осмелилась улыбнуться. Что такого было в Джо, отчего она начинала чувствовать себя смущенно хихикающей школьницей? У них было так мало общего, к тому же почти весь день они только и делали, что гладили друг друга против шерсти. Может быть, это чисто физическое влечение… Может, ей все же нужно распаковать свою покупку с сайта для взрослых…

«Соберись, женщина!» – сказала она себе. Но потом, намеренно проигнорировав этот внутренний голос, начала планировать, как ей одеться на следующий день. К полуночи она успела покрасить волосы, нанести автозагар, погладить блузку и в первый раз за месяц побрить ноги.

Глава 9

Он обмакнул оставшийся ломтик белого тоста в желток, потом положил поверх ложку тушеных бобов и отправил все это в рот.

На тарелке оставались половина сардельки и полоска хрустящего беконного жира, но он решил, что завтрак окончен. Ему случалось завтракать и вкуснее. Но он проголодался, а нищим не приходится выбирать. По множеству предыдущих своих визитов в этот паб он знал, что это – самое привлекательное, что есть в меню. Помимо того, оно было одним из самых вредных блюд. Не то чтобы его это волновало. Когда его время подойдет к концу, убьет его вовсе не холестерин.

Он написал Маргарет, сообщив ей, что идет домой, поскольку его встречи закончились намного позже, чем ожидалось. График не особо волновал ее, пока он выполнял задачи, которые она перед ним ставила, и он мог приходить и уходить, когда хотел. Однако такое отношение проявлялось далеко не ко всем его коллегам – он и Маргарет заключили между собой особое соглашение, и она никогда не говорила ему «нет».

Впервые он закинул удочку в ее сторону после прошлогоднего летнего барбекю-корпоратива. Они пьяно ковыляли обратно в офис, чтобы забрать свои сумки и вызвать такси до дома. Но спустя несколько минут она уже уткнулась лицом в его рабочий стол, сбрасывая бумаги на пол, пока он пялил ее сзади. Маргарет была на десять лет старше его, но у нее был неистовый сексуальный аппетит – словно у женщины вдвое моложе. На следующий день он, невзирая на похмелье, заехал в офис только ради того, чтобы воспроизвести запись с внутренней камеры безопасности. Потом сделал копию и сохранил в «облаке». Это был отличный рычаг воздействия на тот случай, если Маргарет не захочет сделать что-то для него.

Он посмотрел на свое отражение в ложке, лежащей на столе. Невероятно преобразился с тех пор, как был неуклюжим, застенчивым юнцом – тощим, прыщавым, с ужасной прической, из-за которой ни девушки, ни парни просто не замечали его. Теперь ему было под сорок, и признаки старения только-только начали проявляться. Чуть заметные морщинки пролегли вокруг глаз, в белокурых волосах едва наметилась седина. Быть может, в то, что он унаследовал от своей ничтожной матери, все-таки затесалась парочка полезных генов…

Отпив глоток минеральной воды, он помешал соломинкой тающие ледяные кубики в стакане – против часовой стрелки. Потом высморкался и внимательно всмотрелся в свой носовой платок, ощутив, что из носа выпало что-то твердое. Толстая кровяная корка, и причина ясна. Амфетамины и большие дозы кофеина были и вполовину не такими действенными, как кокаин, позволявший ему бодрствовать всю ночь. Однако частое использование этого вещества имело свои последствия.

Его внимание привлек шум, доносившийся из игровой комнаты в семейном зале паба – он сидел близко к этой части заведения. Он посмотрел в сторону детского уголка, где дюжина ребятишек восторженно визжали, карабкаясь по веревочным лестницам и съезжая по узким желтым желобам в ямы с разноцветными шарами.

– Осторожней! – произнес он вслух.

– Который из них ваш? – раздался позади него женский голос. Обернувшись, он увидел привлекательную брюнетку с пустой коляской. Та, неуклюже двигаясь из-за огромного беременного живота, опустилась на деревянную табуретку и

потерла крестец.

– Мальчик в красной футболке с Пожарным Сэмом[13 - Пожарный Сэм – герой одноименного популярного британского мультсериала, идущего в эфире с перерывами с конца 1980-х.], – ответил он и указал на ребенка с льняными волосами, который беспокойно переминался с ноги на ногу, словно бежал на месте. Он помахал мальчику рукой, пока мать пыталась удержать его на месте и вытереть салфеткой испачканный едой рот. Мальчик помахал в ответ и широко улыбнулся, сверкнув зубами.

Ему нравилось смотреть, как они играют вместе – мать и ребенок были полностью поглощены друг другом. Он любил детей этого возраста – когда весь мир состоит из двух людей, подаривших тебе жизнь. Он хотел бы, чтобы этот мальчик никогда не вырос… и чтобы никогда не увидел того, что пришлось увидеть в детстве ему самому. Невинность следовало защитить любой ценой.

– Какой красивый маленький мужчина, – восхитилась беременная женщина, и он надулся от гордости. – А моя дочь, Иззи, – вон там, на горке, вместе со своим отцом. Сегодня он исполняет отцовские обязанности.

– А я вот отдыхаю, потому что позже эти обязанности потребуют много сил, – ответил он. – У каждого второго родителя среди наших знакомых дети любят вздремнуть после обеда, но уложить нашего спать хотя бы на полчаса – это сущий кошмар. – Он посмотрел на ее живот. – Сколько еще вам до срока?

– Три с половиной недели. Но Иззи запоздала на десять дней, так что я не волнуюсь.

Он смотрел, как улыбающийся мальчик еще раз скатился с горки, прежде чем мать схватила малыша и попыталась усадить его в прогулочную коляску. Мальчик визжал и лягался.

– Пора и мне заступать на вахту, – сказал он и утер рот салфеткой. – Уже иду!

– Веселого вам пути до дома, – пожелала ему беременная с понимающей улыбкой.

Он поднял свой портфель, стоящий на полу, и сделал последний глоток минералки через соломинку.

– Удачного разрешения, пусть все пройдет гладко.

– Спасибо, – ответила брюнетка.

– Эй, – окликнул он женщину с мальчиком. – Вы ничего не забыли? – Поднялся со стула и следом за ними направился к двустворчатым дверям. – Ты и голову забудешь, если она не будет приклеена к шее!

Женщина озадаченно повернулась к нему.

– Позвольте придержать вам дверь, – продолжил он, толкнув створку, потом положил ладонь на поясницу женщины.

– Руки уберите, будьте так добры, – рявкнула она и сдвинулась так, чтобы загородить своего сына от этого человека. Его улыбка угасла.

– Я просто хотел помочь, – отозвался он, после чего оставил их в покое.

Пока он шел к выходу, у него внезапно возникло ощущение жжения во лбу, его начало шатать. Ему показалось, будто он сейчас рухнет на пол. Он не понимал, в чем дело, – это было похоже на симптомы клаустрофобии, однако сейчас он находился на открытом пространстве. В поисках свежего воздуха он бросился к дверям и сосредоточился на своем дыхании, пока сердце не начало замедлять бег, а кожа не охладилась.

Несколько чудесных мгновений он наслаждался ролью семейного человека, пусть даже притворной: ведь он понятия не имел, кто эти мать с сыном. Но расплатой за это послабление была пустота и осознание того, что в действительности у него никогда не было подобного опыта. Иногда жажда этих переживаний усиливалась настолько, что причиняла физические мучения. И тогда он часами сидел, согнувшись от боли и прижимая руки к животу, молясь, чтобы эти жуткие муки прекратились. В конце концов он научился унимать боль местью.

– Сфокусируйся, – вслух сказал он себе и выждал несколько мгновений, чтобы очистить разум. Потом покрутил головой и растер ладонями обе щеки.

Менее чем через двое суток ему предстоял следующий этап пути. И если все пройдет по плану, он сможет вычеркнуть из своего списка третье имя.

Глава 10

Бекке было как-то не по себе, но она не могла понять почему.

Сегодня утром привычный путь от дома до станции подземки «Энджел» оставил у нее странное чувство беспокойства и даже тревоги. Как будто за ней кто-то следил, хотя она знала, насколько глупо это звучит. И тем не менее несколько раз ловила себя на том, что окидывает взглядом сначала платформу, потом вагон, проверяя, не уделяет ли кто-нибудь ей излишнее внимание.

Она не сказала Джо о своих иррациональных тревогах, прекрасно сознавая, что они именно иррациональны. Но когда они, как и договаривались, встретились в Уайтчепеле, чтобы проделать остаток пути вместе, Бекке стало легче оттого, что рядом с ней кто-то есть.

Полчаса спустя они уже ждали в тесной комнатке консьержа, пока мужчина в куртке с надписью «Охрана» на спине пролистывал в компьютере поквартирный список жильцов. Освежитель воздуха и электрический вентилятор тщетно пытались разогнать духоту, стоящую в воздухе.

– Ты что-то сделала с волосами? – спросил Джо.

– Нет, – ответила Бекка, внезапно устыдившись того, что усилия, которые она приложила к улучшению своего внешнего вида, оказались настолько заметными. Однако они оба понимали: в том, что касалось внешности, она не могла обмануть человека с фотографической памятью.

Бекка перевела взгляд на плакат, висящий на стене. Она узнала, что до того, как здесь разместился жилой комплекс Боу-Квотер, эти здания принадлежали

спичечной фабрике «Брайант и Мэй». Когда фабрика закрылась, они оказались заброшенными на долгие годы, прежде чем стать одним из первых крупных проектов по реновации городских площадей в Восточном Лондоне. Комплекс был заново открыт в девяностых годах двадцатого века, и теперь здесь размещались 733 квартиры, в которых проживали состоятельные владельцы и арендаторы. За железными воротами высотой в пятнадцать футов, выкрашенными в черный цвет, лежал тихий уголок, словно бы на целые мили удаленный от шума и суеты остального Лондона. Бекка завидовала здешним жителям.

– Квартира шестнадцатая, северо-запад, – сообщил охранник. – Я вас провожу.

– Нет, мы не заблудимся, спасибо, – отозвался Джо и направился на территорию комплекса.

– Ты знаешь, куда идти? – спросила Бекка.

– Когда-то встречался кое с кем отсюда, – объяснил он.

– И кто кого бросил?

– Я – когда бесплатный доступ в зал и бассейн стал значить для меня больше, чем отношения.

Они шли по усыпанным галькой дорожкам мимо аккуратно подстриженных лужаек, цветущих клумб и пруда, заселенного разноцветными рыбками, пока не добрались до более современного здания, выстроенного напротив изначального фабричного корпуса. Бекка набрала на интеркоме номер 16. Женский голос практически сразу же ответил:

– Да?

– Детективы Джо Рассел и Бекка Винсент. Нам нужен Никки Пенн, – сказала Бекка.

– Его нет дома, – ответила женщина.

– Мы все равно хотели бы войти; будьте так добры.

После недолгой паузы щелкнул замок, и Джо с Беккой, поднявшись на один лестничный пролет, увидели нужную им квартиру. Женщина открыла дверь, высунув половину лица.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросила Бекка.

– Эбигейл Джонсон, – ответила женщина.

– Вы здесь живете? В список жильцов внесено только одно имя…

– Это квартира моего мужчины.

– Ваш мужчина – это Никки?

Эбигейл кивнула.

– Мы можем войти? – продолжила Бекка, сменив тон на несколько более сочувственный – она поняла, что Эбигейл чего-то опасается. – Мы не отнимем у вас больше нескольких минут.

Эбигейл снова кивнула, и они прошли за ней через прихожую в гостиную открытой планировки, совмещенную с кухней. Яркий свет вливался через раскрытые двустворчатые двери, выходящие в сад, и детективы впервые смогли отчетливо разглядеть лицо Эбигейл. Нанесенный макияж не мог полностью скрыть синяк под глазом, расползшийся на половину щеки, и разбитую губу. Судя по отеку, эти травмы были нанесены недавно.

– На меня напали, когда я шла домой с работы, – сообщила женщина, не дожидаясь вопроса со стороны посетителей. Но при этом она упорно не смотрела им в глаза – отсюда можно было сделать вывод, что она говорит неправду.

– Вы сообщили в полицию? – спросил Джо.

– Не было смысла, я их не разглядела.

Бекка хотела продолжить расспросы и поощрить Эбигейл сознаться в том, что случилось на самом деле, однако сдержалась. Сомнительно, чтобы Эбигейл могла заполучить столько синяков на запястьях, предплечьях и выше локтя просто от нападения хулиганов.

– В чем дело? – спросила женщина, сложив руки на груди. – Никки не сделал ничего плохого.

Никто из присутствующих ей не поверил.

– Вы не могли бы сказать нам, где он сейчас? – попросила Бекка.

– На работе. Он работает охранником.

– Вы не знаете, где он был в понедельник поздно вечером? – поинтересовался Джо.

– На работе.

– У него есть четкий рабочий график?

– Нет, у него заключен договор с компанией «Оникс билдинг». Они сообщают ему, когда он нужен, и Никки приезжает туда к указанному времени.

Джо поблагодарил ее и направился к выходу. Прежде чем последовать за ним, Бекка достала из своей сумочки визитку и протянула Эбигейл. Та прочла вслух:

– «Центр поддержки для женщин».

Под надписью был указан номер телефона.

– Сохраните это на тот случай, если станет слишком опасно оставаться здесь, – тихо произнесла Бекка. – И поверьте, когда-нибудь это случится. Не затягивайте, иначе будет поздно.

Она сочувственно улыбнулась и увидела в глазах Эбигейл знакомый стыд, хотя стыдиться тут было нечего.

* * *

Выйдя со станции «Монумент», Джо и Бекка не сразу увидели «Оникс билдинг».

Цель их пути располагалась за Лондонским мостом, вблизи от небоскреба «Осколок», самого высокого здания в городе. Яркое солнце отражалось от 11 000 стеклянных панелей «Осколка», но лучи, казалось, растворялись в полукруглом, забранном тонированным стеклом фасаде «Оникса» – цилиндрического здания в семьдесят семь этажей.

Бекка осознала, что с того момента, как они вышли от Эбигейл Джонсон, Джо так и не откликнулся ни на одну ее попытку затеять и поддержать разговор. Он, похоже, обращал внимание на всех, кто проходил мимо них, и в то же время – ни на кого. И хотя Бекка старалась смириться с тем, что именно таков был его неизменный образ действий, ее это в конце концов вывело из себя.

– Ты постоянно смотришь по сторонам, – сказала она. – И когда мы ждали поезда, и сейчас, когда идем по улице. Такое впечатление, что ты в первый раз на Земле и никогда прежде не видел ни одного человека.

– Извини, привычка, – отозвался Джо.

– А чем вы, суперраспознаватели, занимаетесь, когда не смотрите записи с камер?

– Большинство из нас раскиданы по другим отделам. Многих СР можно найти в зоне непосредственных действий – например, во главе команд «за безопасный район», потому что мы хорошо помним лица местных смутьянов. Мы работаем «в поле» во время крупных мероприятий: Ноттингхиллского карнавала, гей-парадов, крупных выступлений в Гайд-парке или на Уэмбли. Если предстоит важный футбольный матч, нас тоже направляют туда. А когда у нас есть свободное время, мы «снапаем».

– А это что такое?

– Просматриваем снимки в криминалистической базе данных в поисках знакомых лиц. Если кажется, будто какое-то лицо видели больше одного раза, начинаем связывать совершенные этим человеком преступления между собой. Это как игра в снап[14 - Снап – карточная игра, в которой нужно собрать как можно больше карт: игроки по очереди выкладывают розданные карты, не зная их достоинств и мастей, и первый, кто крикнет «снап» (что, собственно, означает «выкрик»), когда на столе окажутся две карты одного достоинства, забирает их себе.]. И чем больше преступлений мы можем увязать, тем больше времени – теоретически – этот человек проведет за решеткой, если мы сможем поймать его. Дико заводит.

Они вошли в вестибюль штаб-квартиры «Оникс билдинг». Внутри здание было таким же мрачным и темным, как снаружи: дубовый паркет, выложенные плиткой стены. За четырьмя широкими приемными стойками сидели девушки, одетые в одинаковые синие пиджаки, с одинаковым макияжем; их волосы были зачесаны назад и туго стянуты в хвосты. По другую сторону фойе, за барьерами высотой по пояс, сделанными из закаленного стекла, стоял Никки Пенн. Джо сразу же заметил его.

– А вот и наш тип, – сказал он. Бекка почти не пыталась скрыть свое растущее отвращение к человеку, с которым им предстояло встретиться.

Ростом Никки Пенн был не более пяти футов и семи дюймов[15 - Около 170 см.], но невысокий рост компенсировался шириной плеч – как будто под пиджаком он носил наплечники, как у игроков в американский футбол. От лба до макушки голова его была лысой, жалкие остатки волос были коротко острижены. Он был гладко выбрит, но на лбу и щеках его виднелись ямки от угрей; маленькие глаза недоверчиво поблескивали.

Когда детективы подошли к нему и представились, Пенн отозвал их в дальнюю комнату, подальше от глаз его работодателей. Хватило одного косого взгляда со стороны Пенна, чтобы другой охранник – помоложе – оторвался от мобильного телефона, на котором смотрел футбольный матч, встал с дивана и вышел прочь.

– Все, что она наговорила, сплошное вранье, – начал Пенн, не дожидаясь вопросов. Бекка чуть отвернула голову – его дыхание пахло стоялым кофе. – Она все придумывает, преувеличивает…

– О чем мы, по-вашему, собираемся с вами поговорить? – спросила Бекка.

– О моей девушке, – ответил он, но, едва произнеся эти слова, осознал, что сделал неправильный вывод.

Бекка достала из сумочки блокнот.

– И вам есть что сказать по поводу боксерской груши, которую вы зовете своей девушкой?

– Я совсем не такой, как можно судить по моему личному делу в суде, – отозвался Пенн и защитным жестом сложил руки на груди. – Я начал новую жизнь.

– В понедельник вечером вы ввязались в ссору с мужчиной на платформе подземки, – сказал Джо.

– И кто это сказал?

– Это сказала одна из пяти камер наблюдения, которая записала, как вы ругались с ним за считаные секунды до того, как тот упал под поезд.

– Этот неуклюжий громила наступил мне на ногу, и я велел ему убрать копыто.

– А что было потом?

– Он пробормотал что-то не по-нашему, и я сказал, чтобы он валил к себе домой. Брексит[16 - Брексит – выход Великобритании из Европейского союза, осуществленный в 2020 г.] – значит брексит, верно? Тогда этот козел обернулся и стал на меня бычить.

– Честно говоря, Никки, вид у вас был такой, словно вы вот-вот обгадитесь, – добавила Бекка. – Вы так испугались этого громилу?

Пенн бросил на нее злобный взгляд, но не стал отвечать.

– Вы имеете какое-то отношение к его смерти, Никки? – спросил Джо.

– Если вы видели меня на этих долбаных камерах, то знаете, что я его не пихал, не то вы сейчас меня уже арестовали бы.

– Вы состояли в «Сохраним Британию белой», верно? Не значит ли это, что вы не любите иностранцев?

– Это было давно.

– Что стало с человеком, который упал?

– Он схватился за задницу и стал на меня орать. Потом стал тянуть слова и вообще выглядел так, как будто не может стоять на ногах, словно его кондрашка хватила или что-то вроде того. А потом начал заваливаться назад.

– Вы не пытались удержать его? – спросила Бекка.

– Нет, а зачем?

– Потому что это было бы по-человечески.

– Почему вы решили, будто с ним случился удар? – спросил Джо.

– У него все лицо обвисло. Глаза и щеки как будто потекли – ну, как воск, когда плавится.

Бекка закрыла блокнот и убрала ручку. Они уже собрались уходить, но она, остановившись в дверях, повернула голову:

– Кстати, передайте Эбигейл, что я в скором времени собираюсь повидать ее. Не знаю пока, когда точно; просто заеду, чтобы сделать сюрприз вам обоим.

Они с Джо направились через вестибюль к выходу из здания. Бекка надеялась, что Пенн ненавидит ее так же сильно, как она ненавидела его. У вращающихся дверей Джо помедлил, чтобы надеть солнечные очки, и вздрогнул, когда они

коснулись распухшей переносицы.

– Все еще болит? – спросила Бекка.

– Угу, – отозвался он. – Ну, и как ты считаешь: Никки Пенн – тот, кто нам нужен?

– Нет. Он просто отвратительный тип, но не думаю, что он убийца.

– И что это нам дало?

– Ну как же – еще множество часов за просмотром записей с камер. Чтобы попытаться вычислить двух других людей, стоявших рядом с Думитру. Если б я знала какого-нибудь эксперта в подобных вещах, чтобы он помог мне ускорить процесс… – Бекка с намеренно комическим видом захлопала ресницами.

– Ну давай… – Джо вздохнул. – У нас или у вас?

– Поедем в мой офис. Мне кажется, я сожгла все мосты между мной и твоими коллегами в первые же пять минут разговора с ними.

– Я бы на твоем месте не волновался – они люди толстокожие. – Джо помедлил, прежде чем задать следующий вопрос: – А что это ты так разговаривала с Никки? У меня было такое впечатление, словно ты почти… дразнила его.

– Не люблю тех, кто слишком много размахивает кулаками, – резко ответила Бекка, но уточнять не стала.

Глава 11

Почти всю ночь сон бежал от Бекки. Как бы она ни пыталась уснуть, образ Никки Пенна не давал ей этого сделать.

Всякий раз когда она погружалась в дрему, ей снилось, что Пенн нависает над ее кроватью, брызжа слюной и рыча, словно бешеный зверь. Духота в комнате,

которую не в силах был развеять легкий ветерок, влетающий в открытые окна, тоже мешала заснуть. В конце концов, разозлившись на себя, Бекка сдалась и лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

Она спросила себя, почему позволила Пенну проникнуть в ее подсознание. Не то чтобы он был чем-то уникальным – за годы жизни Бекка много раз сталкивалась с такими, как он. Но при виде синяков на лице его девушки она вспомнила, почему так ненавидит подобных мужчин. Будучи сломаны, они не в состоянии достичь равновесия, пока не сломают тех, кто пытается вернуть им целостность.

В начале третьего Бекка откинула тонкое одеяло, которым укрывалась, открыла гардероб и достала коробку из-под обуви, спрятанную в дальнем его уголке под старым полотенцем. В коробке лежал бурый конверт из тонкого картона. Бекка включила прикроватную лампу и начала рассматривать – одну за другой – фотографии, сделанные почти семь лет назад.

Если б она не знала, кто изображен на этих фотографиях, определить пол жертвы по внешнему виду было бы трудно. Это была женщина, настолько сильно избитая, что жизнь в ней едва теплилась. Голова распухла в полтора раза по сравнению с обычным размером, а волосы на левой стороне были сбриты во время операции по откачиванию жидкости из мозга. Лицо ее походило на гобелен из черно-синих кровоподтеков, темных швов и красных порезов. Воспаленные веки были крепко сомкнуты, а ко рту вела белая трубка, позволяющая ей дышать. Бекка до сих пор невероятно отчетливо помнила звук, который издавала кислородная маска, и неустанное «бип-бип-бип» прибора, следящего за деятельностью сердца. Все они провели много дней в отделении интенсивной терапии, молясь о чуде, которое так и не произошло.

Когда-то Бекка надеялась, что ей никогда не придется делать подобные снимки, но в этом присутствовала некая неизбежность. В глубине души она уже тогда знала, что когда-нибудь это случится. Время от времени, когда начинала сомневаться в выборе профессии, она рассматривала эти снимки, и к ней возвращалась твердость духа.

Неожиданно из открытой двери спальни у нее за спиной раздался голос, заставивший Бекку вздрогнуть. Она быстро сунула фотографии обратно в конверт и спрятала под кровать, подальше от глаз.

– Мамочка, я не могу заснуть, – начала Мэйси.

– А почему не можешь, солнышко? – спросила Бекка, когда дочь забралась на кровать. Бекка присоединилась к ней, и Мэйси свернулась в клубок, положив голову на живот матери.

– Мне приснился плохой сон – про большую собаку, – сказала она. – Она хотела меня укусить, и я испугалась.

– Не волнуйся, я не позволю никакой большой собаке обидеть тебя, – успокаивающе ответила Бекка. – Я никогда не позволю, чтобы с моей малышкой случилось что-нибудь плохое.

Бекке было ненавистно то, что ей приходится лгать Мэйси. На работе она слишком часто видела, как с хорошими людьми случаются плохие вещи. И обещать шестилетней девочке защиту от этого жестокого мира значило выдавать желаемое за действительное. Но она все равно сделала это.

Мэйси почти сразу успокоилась и замурлыкала, когда Бекка стала гладить ее по голове. Постепенно ее дыхание сделалось тихим и ровным – девочка погрузилась в сон. У нее были каштановые вьющиеся волосы и привычка совать в рот большой палец, и она была ужасно рада, когда Бекка вчера вечером вернулась домой с работы.

Хелен, мать Бекки, несколько раз писала ей, спрашивая, в каком часу она придет. Но та не хотела называть точное время или бросать расследование. Она была слишком сосредоточена на своем участии в следствии по делу об убийстве и знала, что старший суперинтендант Уэбстер внимательно за ней наблюдает. Одно неверное движение – и ее отстранят от дела.

К вечеру, когда родительский долг все же взял верх, Бекка оставила Джо за своим столом – изучать видеозаписи, чтобы посмотреть, откуда и куда направлялись оставшиеся два свидетеля, – и вернулась к своей семье. Ей было нелегко переключаться из режима детектива в режим мамы. Она хотела бы позволить себе маленький переходный период – принять ванну с пеной и выпить стакан красного вина, но в дверях ее встретила дочь, которая отказывалась ложиться спать, пока перед сном ей не прочитают три сказки.

Почти весь остаток ночи Бекка дремала, не в силах погрузиться в настоящий глубокий сон. В конечном итоге она сдалась и решила начать день пораньше. Сделала и упаковала обед, который Мэйси должна будет взять в школу, загрузила грязное белье в стиральную машинку, а немытую посуду – в посудомойку. Раздвигая шторы, Бекка надеялась увидеть затянутое облаками небо, сулящее облегчение от жары. Но над лондонским горизонтом вновь поднималось яркое солнце.

Бекка прищурилась, глядя на силуэт, видневшийся в конце улицы. Издали было похоже, что это мужчина, который стоял, прислонившись к перилам и глядя в ту сторону, где находился дом Бекки. Однако с такого расстояния рассмотреть его лицо было невозможно. Почему-то его присутствие обеспокоило Бекку, хотя она не могла сказать точно почему.

– С каких это пор ты стала такой хозяйственной? – спросила ее мать.

– Я не могла уснуть, – ответила Бекка, повернув к ней голову.

– Что ж, если это дает такой результат, будем надеяться, что у тебя почаще будет бессонница. – Хелен запахнула халат, вошла в кухню и включила чайник. Бекка снова посмотрела в дальний конец улицы, но там уже никого не было.

Глава 12

Он широко открыл рот и потянулся, зевая. Зевок был настолько огромным, что закружилась голова. Возможно, виной тому был и кокаин, недавно занюханный с поверхности грязного туалетного бачка, – он не мог точно сказать. Но ему отчаянно нужно было взбодриться.

Сидя за столиком в кафе, где ложки и тарелки были вымыты небрежно, он смотрел через витрину на здание в георгианском стиле[17 - Георгианский стиль – один из британских вариантов классицизма, доминировавший с первой трети XVIII в. по первую треть XIX в; назван по правившим в это время королям Георгам I–III.], выстроенное из грубо обработанного камня, и на автостоянку напротив. Позади него группа строительных рабочих во флуоресцентных желтых жилетах

и тупоносых башмаках буйно ржала над подробным рассказом своего товарища о том, что с ним проделывала проститутка в амстердамском квартале красных фонарей во время недавней поездки на выходные. Судя по рассказу строителя, это было лучше, чем все, на что способна его будущая жена. Она воздерживалась от близости с тех пор, как несколько месяцев назад родилась их дочь.

Слушая это хвастовство, он чувствовал, как закипает кровь. Хотелось схватить длинный алюминиевый уровень, лежащий на полу у ног рабочего, и приложить того по голове. Он ненавидел неблагодарность, как и тех, кто не понимал, насколько им повезло, что у них есть любящие их люди.

Он отпил глоток чая с молоком и продолжил смотреть наружу, гадая, сколько еще придется ждать, прежде чем в поле зрения появится третье имя из его списка.

Однако что-то в похвальбе строителя задело его сознание, и перед внутренним взором внезапно встал образ Зои, его девушки. Он понимал, что ведет себя так же бесчестно, как этот рабочий, позволяя ей думать, будто между ними действительно существуют искренние отношения. Однако все было сложно: начавшись как одно, это развилось в нечто совершенно другое. И Зои понятия не имела, что у их отношений есть срок годности – и дата окончания уже близится.

За свои тридцать восемь лет он редко в кого-либо влюблялся, и предметы его влюбленности обычно практически не замечали его. В школьные годы чувства приходили и уходили, но никогда не были взаимными. Для соучеников он был словно окрашен в бежевый – скучный, невыразительный цвет, которому никто не уделяет внимания. Он не вызывал ни у кого ни симпатии, ни неприязни, ни любви, ни ненависти, ни интереса, ни презрения. Он просто… был.

Когда он стал подростком, его перестали замечать даже дома. К тому времени мать полностью посвятила все свое время выпивке и постоянно была слишком пьяна, чтобы колотить, пинать или хотя бы ругать его. Он расценивал ее побои как своего рода извращенную привязанность, и когда лишился даже этого, у него не осталось ничего.

Когда он думал о своем будущем под одной крышей с ней, видел лишь, что вся его жизнь пройдет в отравленной атмосфере с постоянно повторяющимися

событиями; жизнь, полную упущенных возможностей. Он желал получить больше. Лучшим способом было сдать все экзамены на высший балл, покинуть Лондон и начать жить заново в кампусе какого-нибудь университета. Но высшее образование было дорого, и, к несчастью, в первый же год его учебы правительство повысило плату. От семьи он не мог ожидать финансовой поддержки. Любые государственные пособия попадали прямиком из кошелька его матери в кассу местной пивнушки или винного магазина.

В пятнадцать лет он начал зарабатывать карманные деньги, подстригая лужайки и отмывая машины соседей, которые жалели вежливого мальчика из дома номер 65 – ведь у него вечно пьяная мать, которая бранится и швыряет грязью в проезжающие автомобили. Он научился использовать эту ситуацию, играя на их жалости. Намеренно ставил себе синяки на руках или на шее – всегда в таких местах, которые нетрудно увидеть, – и кое-кто совал ему денежку или упаковку с печеньем, которое он прятал у себя в комнате на втором этаже.

Но некий мистер Рейнольдс показал ему, где делаются настоящие деньги. Этот дед пятерых внуков платил мальчику за то, чтобы тот приходил к нему мыть окна – но при этом тер не только стекла. Совал ему лишние пять фунтов всякий раз, когда мальчик соглашался посидеть на коленях у пенсионера и потереться о его пах. Хотя слушать, как старик кончает себе в штаны, было неприятно, мальчик был доволен тем, что хоть кто-то заметил его. И это внимание стоило не меньше, чем сложенные банкноты, засунутые в карман джинсов.

– В мое время были такие чайные комнаты и туалетные кабинки, – сказал ему как-то мистер Рейнольдс. – Когда мы демобилизовались после войны, то ходили туда, чтобы заплатить за компанию таких вот пацанов, как ты. Я уверен, что и сейчас есть такие места. «Съемные мальчики» – так их теперь называют… Если смазливый паренек вроде тебя хочет заработать несколько лишних фунтов, можно пойти и не на такое.

Весь следующий день мальчик только и думал, что об этом. Пока наконец не набрался храбрости как-то вечером в субботу отправиться в центральную часть Лондона и подойти к общественному туалету на Бродвик-стрит в Сохо. Оказалось, мистер Рейнольдс ничуть не преувеличивал. Мальчик нервно топтался на улице у туалета не дольше пятнадцати минут, прежде чем кто-то пристально взглянул на него. Мальчик вслед за незнакомцем спустился вниз и вошел в кабинку, чтобы посмотреть, как тот мастурбирует, – и получил за это

десять фунтов. Не всем клиентам требовался только зритель: примерно половина ожидала, что он поможет им удовлетворяться. Рукой, ртом или чем-нибудь еще. Но когда доходило до этого, неважно было, чего они хотят, – важно было то, что они хотят его. Выбирают его.

Вскоре он научился тому, что от него ожидалось, и расширил свою территорию, курсируя между лондонскими туалетами, расположенными как на улицах, так и в торговых центрах, временами посещая сауны и бары, где закрывали глаза на его юную внешность.

В следующие два с половиной года он продолжил делать деньги на отчаявшихся и развращенных мужчинах. Некоторым из них позволял снимать себя на фото и видео, некоторые рекомендовали его своим друзьям или маленьким группам, где его передавали по кругу, словно корзинку с хлебными палочками. Его худоба привлекала пожилых клиентов, и один из них даже произвел на мальчика особое впечатление, став ему другом и чуть ли не единственным образцом мужского поведения. Даже помог ему заполнить бланки для поступления в университет и устроил небольшой праздник, когда мальчик наконец-то получил извещение о зачислении. Он накопил уже достаточно денег, чтобы оплатить первый год учебы в Университете Де Монфора в Лестере.

Начиная новую жизнь в колледже, он решил, что пора раз и навсегда оставить бежевый цвет позади. Все то время, пока он не продавал себя и не сидел в больнице у постели матери, наблюдая, как ее кожа становится все более желтой, он старался выстроить себе новое тело в спортивном центре, находящемся в ведении студенческого совета. Он покончил с готовыми обедами для микроволновки и с едой быстрого приготовления, на которой вырос: теперь его сбалансированная диета была богата белками и витаминами. Очки с толстыми стеклами он сменил на контактные линзы, начал выбирать одежду и прически, подходящие для мужчины его возраста.

В течение нескольких месяцев он превратился в мускулистого красивого молодого человека. В университете старался вести себя иначе, чем прежде: быть ярким, общительным и вовлеченным в окружающую жизнь. Заставлял себя вступать в общества и политические группы, даже если не понимал их цели, принимать участие во внеучебных мероприятиях. Временами, когда с деньгами становилось туго, возвращался в Лондон и предоставлял себя в распоряжение прежних клиентов. Но постепенно их число сократилось до одного.

А потом, во время второго семестра, в жизнь юноши вошла Кэлли Лайдон, и эта жизнь уже не была прежней. Они жили в одном и том же здании общежития – она на один этаж выше его – на расстоянии нескольких минут пешком от основного кампуса. Кэлли была самым прекрасным человеческим существом, с которым ему довелось познакомиться в жизни: оливковая кожа, зеленые глаза, каштаново-рыжие волосы и россыпь веснушек на носу, щеках и лбу. Его любовь к ней была столь всепоглощающей и удушающей, что иногда ему приходилось под каким-либо предлогом уходить от Кэлли подальше, чтобы перевести дыхание.

Круг его общения пересекался с тем, в котором вращалась Кэлли, и в конце концов они образовали свою собственную, отдельную группу, состоящую только из них двоих. И он делал все, что мог, дабы сделать жизнь Кэлли такой же идеальной, какой она сделала его жизнь. Готовил ей ужин, помогал заучивать большие отрывки из пьес для курса драматического искусства и даже мыл санузел: никакая работа не была для него слишком тяжелой или слишком унизительной. Он записывал для нее на кассеты подборки их любимых песен, брал в видеопрокате романтические комедии, заставлявшие ее смеяться и плакать, а по вечерам провожал домой из студенческого бара, где она подрабатывала. Кэлли заслуживала идеального парня – и он стал таковым.

Единственное напряжение в их отношениях возникало из-за того, насколько дружелюбной она была с посетителями бара. Как-то вечером он наблюдал за ней из-за углового столика; Кэлли вела себя игриво и чаще улыбалась противоположному полу, чем женщинам. Ему это не понравилось; стены и потолок барного зала словно начали смыкаться вокруг него, когда он осознал, насколько легко его будет заменить кем-нибудь другим. По щелчку пальцев Кэлли могла заполучить кого-то намного лучшего, нежели он. В конце концов она должна была разглядеть в нем того, кем он был на самом деле: внебрачного сына буйной алкоголички, бежевого школьника, которого даже социальные службы практически не замечали. Он сорвался с места и стал проталкиваться через толпу, пока не оказался на улице, хватая воздух ртом и желая, чтобы вокруг было побольше свободного пространства. К чести Кэлли, в тех многочисленных случаях, когда он признавался ей в своих страхах, она искренне заверяла его, что он ее вполне устраивает и что никто другой ей не нужен. Она могла повторить эти слова тысячу раз – но ему все равно было трудно поверить ей. Несколько месяцев Кэлли пыталась избавить его от подобных сомнений, но в конце концов не выдержала.

Даже сейчас, сидя в кафе, он отчетливо мог вспомнить, как сильно сжалось его сердце в тот день, когда Кэлли пригласила его в свою комнату, дабы обсудить их будущее. Именно там она попросила сделать «перерыв» в их отношениях, назвав его «душным» и «слишком рьяным». Ей нужно было некоторое время побыть без него, чтобы «подумать».

Он отреагировал на следующий же день: потратил свой учебный кредит за двенадцать месяцев на обручальное кольцо и предложил Кэлли выйти за него замуж. Он до сих пор помнил смятение, отразившееся на ее лице.

– Именно это я и имела в виду, – резко произнесла она. – Ты не даешь мне свободно вздохнуть; ты постоянно рядом, все время твердишь мне, как сильно меня любишь… Ты – собственник, ты меня буквально душишь.

– Но мы же любим друг друга, – возразил он. – Люди, состоящие в отношениях, хотят делать что-нибудь друг для друга, хотят проводить время вместе…

– Но не так. Это ненормально. Мы молоды, мы учимся в университете, и это единственное время в нашей жизни, когда мы можем быть настолько свободны.

Он предложил немного подождать, но то, как она опустила глаза в пол, подсказало ему, что она уже отказалась от него.

После расставания с ней он ушел в себя и часто просто бродил по кампусу, пропуская лекции и не сдавая контрольные эссе по различным предметам. Посылал ей цветы, оставлял подарки у ее двери и «случайно» натыкался на нее, заранее зная, где она будет. Следовал за ней под покровом темноты, часами торча возле бара и подглядывая за ней через витрину.

Финал наступил в тот день, когда он проник в ее квартиру – она так и не забрала у него запасной ключ от двери. Уселся на край кровати и стал пролистывать альбом с фотографиями, который сам же и подарил ей несколько месяцев назад. Ему пришло в голову, что он, возможно, неправильно истолковал ее поведение. Если она сохранила у себя эти фотографии, это ведь могло значить, что она по-прежнему к нему неравнодушна? Может быть, просто проверяет его чувства?

Неожиданно дверь открылась. Кэлли ахнула, увидев его. Только когда дверь ударилась о стену, юноша заметил парня, который одной рукой обнимал Кэлли

за талию. Он знал его: Дэнни, студент из их круга общения, – но не из близких друзей.

– Что ты здесь делаешь? – воскликнула Кэлли.

– Жду тебя. Хотел поговорить, – ответил он, мрачно глядя на ее спутника.

– Ты должен уйти, это уже слишком!

– Почему он здесь?

– Он мой друг, но это вообще не твое дело.

Он поднялся на ноги.

– Ты поэтому меня бросила, да? Потому что тебе нужен был этот ублюдок!

– Следи за языком, приятель, – отозвался Дэнни, убрав руку с талии Кэлли и выпятив грудь.

– Просто уходи и оставь меня в покое, – сказала девушка.

– Ты слышал, приятель? Уходи, ты ей неинтересен.

– Да пошел ты, клоун! – рявкнул он. – Я тебе не приятель. И ты понятия не имеешь, кто ей интересен.

– Если сегодняшняя ночь будет такой же, как вчерашняя, то вполне имею понятие, – возразил Дэнни с насмешливой улыбкой.

Тот едва успел заслониться, когда он метнулся к нему через всю комнату. Первый удар нанес прямо в челюсть Дэнни. Однако недооценил силу своего противника. Тот нанес три быстрых удара – в центр лица, в глаз и в висок, прежде чем он успел отреагировать.

– Перестаньте! – закричала Кэлли. – Дэнни, убери его отсюда!

Он никогда не чувствовал такой ярости, такого отвращения. Даже когда доказал свою любовь к ней тем, что готов за нее сражаться, Кэлли все равно предпочла ему другого. Он без колебаний занес руку и ударил ее в рот. Почувствовал, как хрустнули под его кулаком два ее передних зуба, а потом она навзничь рухнула на пол. Дэнни воспользовался тем, что противник отвлекся, и свалил его на пол, меся кулаками лицо и тело.

Он почти не помнил о том, как прошел остаток ночи – и даже последующие дни. На какое-то время в дело вмешалась полиция, потом университетские власти. Комиссия по отчислению сообщила ему: если он немедленно уйдет из университета по собственному желанию, ни Кэлли, ни Дэнни не будут выдвигать против него обвинений. Он согласился – и в тот же день сел на автобус до Лондона, оставляя позади разрушенные мечты о лучшей жизни. Но даже теперь, спустя столько лет, он надеялся, что всякий раз, глядя в зеркало и видя свою зашитую губу и импланты на месте передних зубов, Кэлли вспоминает о том, что сама виновата.

Только встретив и полюбив Одри, он понял, что его отношения с Кэлли были всего лишь безрассудной страстью. То, что было между ним и Одри, не было похоже ни на что, испытанное им прежде, – одна мысль о ней поджигала запальный шнур, и сотни разноцветных фейерверков взрывались в его сердце…

– Вам налить еще чаю?

Вопрос официантки, незаметно подошедшей к нему, заставил его вздрогнуть. В руках у нее курился паром стальной заварочный чайник.

– Да, спасибо, – ответил он, и она начала наливать чай в его чашку.

Потом его внимание привлекла фигура за окном, направлявшаяся к тому самому красному кирпичному зданию, на которое он так долго смотрел. За плечами прохожего висел рюкзак, и, судя по цвету его брюк, он уже был одет в форму. А вот и третье имя из списка. Выудив из кармана бумажник, он уронил на столик банкноту в двадцать фунтов и направился прочь, оставив официантку в недоумении из-за быстрого ухода и щедрых чаевых.

Он уже успел узнать, что обычно Уильям Бёрджесс приходил за час до начала работы, вне зависимости от того во сколько начиналась его смена. С этого момента могло пройти от пяти минут до девяти часов, прежде чем Бёрджесс снова выйдет из здания. Нужно было сохранять терпение.

Он направился к парковке и остановился в дальнем ее конце, частично скрытый из виду одной из стоящих там машин – желто-зелено-белых машин «неотложки». Камеры наблюдения у него над головой не работали. Понадобился всего один день поисков в интернете, чтобы узнать их точную модель и найти способ отключить их вручную без риска получить удар током.

Он встал так, чтобы его не было видно со стороны дороги, и целых четыре часа прятался возле контейнеров с медицинскими отходами, прежде чем Бёрджесс наконец появился из здания; он был один, в пальцах у него позванивали ключи от машины. Ростом Бёрджесс был пять футов и шесть дюймов, тощий, как вешалка, и менее подготовленный убийца мог бы решить, что легко с ним справится. Однако на двух фотографиях на странице Бёрджесса в Фейсбуке он видел его в белом облачении для занятий боевыми искусствами, с медалью в руках. Он решил, что его цель, скорее всего, не сдастся без борьбы. Глупо было бы не использовать снотворное.

Подойдя ближе, Бёрджесс озадачился, когда увидел незнакомца, который стоял, прислонившись к контейнеру, держась за грудь слева и тяжело дыша.

– Вы… не… поможете? – выдавил он. Бёрджесс бросился к нему как раз в тот момент, когда тот рухнул на асфальт.

– Что случилось, приятель? – спокойно спросил Бёрджесс, опускаясь на колени. – Где болит?

Но, прежде чем он успел задать еще хотя бы один вопрос, «больной» вскинул руку, и его кулак пришел в соприкосновение с шеей Бёрджесса. Он воткнул иглу и нажал на поршень, прежде чем тот успел отвести его руку.

Бёрджесс инстинктивно дернулся назад, но шприц так и остался торчать в его шее. Выдернув иглу из своей плоти и осознав, что произошло, жертва широко раскрыла глаза, на лице отобразилась паника. Он поднялся на ноги, пытаясь убежать, но противник вскинул обе ноги и ударил Бёрджесса под колени, лишив

равновесия и заставив рухнуть наземь. Потом навалился сверху, прижимая его к асфальту, пока быстродействующий мышечный релаксант вершил свою химическую магию.

Он забрал из рук жертвы ключи от машины, нажал на брелоке кнопку разблокировки замков и окинул взглядом парковку, чтобы проверить, у какой машины в этот момент мигнули фары. Подождал, пока мимо проедет автобус и два такси, потом схватил за запястья Бёрджесса – тот был в сознании, но сопротивляться уже не мог, проволок его десять метров до нужной машины и засунул на заднее сиденье. Выдернул из гнезда штекер, посредством которого компьютерная система заряжалась от сети, и сунул ключи в замок зажигания. Проигнорировал «ТерраФикс» – планшет размером с айпэд, укрепленный на центральной консоли и автоматически проложивший маршрут, который советовала Бёрджессу выбрать система контроля дорожного движения.

Вместо этого он вбил в маленький спутниковый навигатор на приборной панели адрес, уже зная, как туда добраться. Потом медленно вывел машину на дорогу, ведущую к конечной точке жизни Бёрджесса.

Глава 13

– Как получилось, что ты разъезжаешь на машине, а мне приходится ездить везде общественным транспортом? – спросила Бекка.

Она окинула взглядом салон «Форда»; хотя это нельзя было назвать вершиной роскоши, автомобиль определенно был лучше, чем вагон подземки, набитый сотней потных пассажиров. Бекка воспользовалась возможностью и вытянула ноги вперед, под приборную панель, потом чуточку прибавила мощность кондиционера – просто потому, что могла.

– Мне сказали, что ею можно пользоваться, – отозвался детектив-сержант Брайан Томпсон. Он опустил оконное стекло и затянулся электронной сигаретой, и салон машины наполнился слабым запахом корицы. Томпсон выдохнул и затянулся снова.

– Я думала, ты бросил дымить.

– Моя тоже думает, что бросил, так что не говори ей.

Бекка не могла представить, чтобы Брайан мог сохранить что-либо в секрете от своей жены или, если на то пошло, от кого бы то ни было, даже если б от этого зависела его жизнь. Все его тайны были видны насквозь, отчего коллеги прозвали его Целлофаном. Бекка часто общалась с этим опытным детективом – он был хорошим другом ее отца и взял ее под крылышко, когда она только-только поступила в уголовный розыск, относясь к ней так же, как к собственным дочерям. Но в последнее время ее беспокоило его здоровье. Он стал терять вес, худоба заставляла его выглядеть старше, на лбу у него залегли глубокие морщины. Бекка гадала, как бы она справилась с тем, чтобы вырастить четырех дочерей – а именно столько у него было, и какие стрессы были бы с этим связаны. Она задумывалась о том, как скажется на ней напряжение, неизменно сопутствующее их работе, когда она достигнет его возраста.

– Ты слышал, что сказала Уэбстер на совещании? – спросила Бекка. – Мне кажется, она злится из-за того, что мы продвинулись так недалеко, а ведь трупы нашли уже четыре дня назад.

То, насколько напряженным было это расследование, чувствовала не только Бекка, но и весь отдел. Их филиал уголовного розыска был разделен на отдельные команды, призванные расследовать различные аспекты дела. И когда они сидели за столом в зале совещаний и сообщали другим о ходе следствия, Уэбстер не столько задавала вопросы, сколько выстреливала эти вопросы со скоростью пулемета.

– Мне кажется, статья в «Ивнинг стандард» сделала все только хуже, – добавил Брайан.

– Я ее не читала. Что там сказано?

– Они сообщили, что Думитру и Чебан были кузенами и что их смерти могут быть связаны между собой. Репортер звонил Нихату, пытаясь выудить у него признание в том, что в Лондоне действует маньяк или киллер. В любом случае положение проигрышное. Сказать «без комментариев» – и это прозвучит так, будто мы что-то скрываем. Сказать «нет никакого маньяка или киллера» – и

газетчики напишут, что мы все отрицаем, но что эти слова все равно прозвучали, а значит, что-то такое есть. А позже, когда окажется, что это был какой-нибудь новый Фред Уэст или Гарольд Шипман[18 - Фредерик Уолтер Стивен Уэст (1941–1995) и Гарольд Фредерик Шипман (1946–2004) – британские серийные убийцы.], все будет выглядеть так, будто мы солгали.

– Но ведь ты не считаешь, что это действительно какой-то маньяк? – спросила Бекка. – Я имею в виду – я знаю, что они есть, но они встречаются в реальной жизни намного реже, чем в телесериалах, верно?

– Нет, вряд ли это маньяк. Скорее всего, кто-то мстящий нашим румынским друзьям. Перед тем как мы ушли с совещания, Нихат сказал мне, что у обоих на родине есть судимости за распространение наркотиков и что они должны разным людям много денег. Именно с этим и связано наше дельце, помяни мои слова. Вероятно, они решили залечь здесь на дно – но оно оказалось недостаточно глубоким. Кто-то мог вычислить, где они находятся, возможно, послал сюда людей, чтобы прикончить этих красавчиков и сразу же вернуться обратно. Наши люди просматривают списки пассажиров всех поездов, самолетов и паромов.

Бекка уставилась через лобовое стекло на горячий воздух, поднимающийся над капотом машины и над асфальтом дороги, из-за чего машины, едущие впереди, словно колебались и мерцали.

– В некотором роде мне даже жаль, – созналась она. – Маньяк – это уникальный случай в карьере следователя. Я бы не прочь встретиться с таким. Ну, то есть после того, как мы его арестуем.

– Что ты узнала про того парамедика, которого мы собираемся повидать? – спросил Брайан.

Бекка достала из сумки блокнот и стала перелистывать страницы.

– Он – второй из тех троих, кто стоял ближе всего к Думитру, когда тот упал под поезд. Его зовут Уильям Бёрджесс, тридцать семь лет, живет в пятнадцати минутах ходьбы от той станции, где погиб Думитру. Он первым из всех, кто был на платформе, связался с нами – в тот момент как раз ехал на работу и после происшествия помогал на месте происшествия. Он позвонил нам, когда

прочитал, что смерть Думитру связана с другим убийством.

– Ты видела его там в тот момент?

– Только ноги, когда он заполз под поезд. Снял худи в «слепой зоне» на платформе, а под ней у него была медицинская форма. Поэтому он выглядел как совершенно другой человек, и мы не смогли установить связь.

– Он все еще под подозрением?

– Все они под подозрением, пока не будет доказано обратное.

– Ты говоришь как настоящий коп.

Основную часть пути они ехали очень медленно из-за вечных лондонских пробок. Бекка жалела, что полиция не может законным образом добраться из пункта А в пункт Б по полосам, выделенным для автобусов и такси. Еще ей хотелось включить красно-синий проблесковый маячок, укрепленный на крыше машины без опознавательных знаков, и увидеть, как автомобили перед ними уступают путь. Наконец они миновали центральную часть Лондона и подъехали к станции «Скорой помощи» в Тернем-Грин на западе города. Девушка в форме пригласила их в комнату для персонала и уведомила о том, что Бёрджесс отправился на выезд на машине «неотложки». Бортовой компьютер машины показывал, что автомобиль находится в движении.

– Я думала, он уже вернется к этому моменту – травма, на которую его вызвали, не особо серьезная, – сказала девушка. – Позвольте, я взгляну, что его задержало.

Она скрылась в другой комнате.

Бекка и Брайан сидели на потертом диване, укрепленный на стене телевизор показывал шоу об аукционе недвижимости. Бекка с тоской смотрела на домик в Камбрии, словно сошедший со старинной открытки, и гадала: может быть, им с Мэйси когда-нибудь суждено покинуть столицу и начать новую жизнь в сельской местности? Но знала: дочери там будет хорошо, однако сама она будет тосковать по своей карьере.

Прошло почти пятнадцать минут, прежде чем нетерпение Бекки достигло предела.

Она постучала в дверь, за которой скрылась девушка, а потом вошла в соседнюю комнату; Брайан последовал за ней. Девушка и ее коллега, представившаяся как офис-менеджер, смотрели на большой экран, на который была выведена компьютерная карта Лондона – диспетчеры «Скорой помощи» использовали ее, чтобы прокладывать и отслеживать маршруты служебных автомобилей и бригад. Бекка видела маленькие значки в виде машин «неотложки», обозначавшие местоположение каждого из автомобилей.

– Мы не можем связаться с Уиллом, – встревоженно сказала офис-менеджер. – Бригада, которая поехала по адресу следом за ним, сообщила, что на месте он не появлялся.

– Вы пробовали ему звонить? – спросила Бекка.

– Да, на мобильный телефон, на радиоустановку в машине и на портативную рацию. Но он не отвечает. Отслеживающие устройства в машине и в рации передают нам его местоположение – но это совсем не там, где он должен быть.

– И где он сейчас?

– В промышленной зоне Актона, в четырех милях отсюда. Машина припаркована в тупике.

Бекка посмотрела на Брайана и подняла брови. Тот ответил ей кивком. Не требовалось слов, чтобы выразить то зловещее чувство, которое вызвало у них исчезновение Уильяма Бёрджесса.

Глава 14

Джо стоял неподалеку от стеклянных дверей одного из входов в торговый центр, держа в одной руке стакан с кофе; сумка висела у него на плече.

Количество покупателей, пришедших сюда в обеденное время, постепенно увеличивалось. Мимо Джо проходили в основном офисные работники или школьники, спешащие пообедать.

Сегодня он взял свободный день в счет ежегодного отпуска и направился к вокзалу Юстон, откуда за тридцать пять минут на наземном поезде добрался до города Милтон-Кинс на северо-западе от Лондона. Там взял такси и через пять минут уже входил в огромный торговый комплекс площадью в 120 тысяч квадратных футов, где царила приятная прохлада, создаваемая кондиционерами.

Час спустя Джо решил, что центр «Мидсаммер-плейс», где располагались такие магазины, как «Эйч энд Эм», «Холлистер» и «Топшоп», подходит в основном для молодежи и что ему надо отправиться куда-нибудь еще. Он прошел все здание комплекса насквозь и оказался в универмаге «Джон Льюис». Здесь покупатели были уже старше.

Незнакомцы один за другим проходили мимо Джо, не замечая его пристального взгляда, однако он успевал посмотреть на каждое лицо, отмечая их все и сравнивая с одной-единственной персоной. Некоторые были слишком старыми, некоторые – слишком молодыми, у одних волосы были слишком темными, а других он счел слишком низкими.

Женщина, с которой он их сравнивал, обладала такой же бледной кожей, как у него, – почти прозрачной, как некогда шутила его мать. Но мода на автозагар делала невозможным даже для такого суперраспознавателя, как он, догадаться, какой естественный цвет скрывается под этой маскировкой.

Джо старался держаться спокойно и не привлекать внимания, быть совершенно неприметным; он неизменно отводил взгляд в тот момент, когда кто-то замечал его, – чтобы никого не насторожить. Он изучал каждую женщину подходящего возраста, пытаясь заметить хоть какие-нибудь знакомые черты. Предположил, что ее щеки могли потерять детскую пухлость и стать не такими округлыми. Однако надеялся, что какой бы ни была ее судьба, в ее жизни есть место счастью, а ее детские воспоминания светлее, чем те, что сохранились у него.

Джо скучал по своей сестре Линзи больше, чем по кому бы то ни было.

Он вздохнул. Если не нашел ее сегодня, может быть, ему повезет в следующий раз… Вскоре он снова отпросится с работы в будний день или, может быть, – если сумеет это сделать – в субботу, когда в торговом центре будет еще больше народу. Чем больше людей соберется в одном месте, тем выше его шансы.

Джо настолько погрузился в собственные мысли, что забыл о стаканчике с кофе, который все еще держал в руках. Когда он все-таки сделал глоток напитка, тот был чуть теплым. Джо бросил стакан в урну и направился к кафе, чтобы купить свежую порцию кофе, а также тост-панини с ветчиной и сыром. Приложив бесконтактную карточку к панели оплаты, он сел на скамейку и приступил к своей первой трапезе со времени завтрака.

Взгляд его упал на высокое вечнозеленое дерево, которое упрямо тянулось вверх, к трехуровневым витринам и к стеклянному потолку. Оно словно отказывалось прекратить свой рост, пока не пробьет стекло и не вырвется наружу. Джо тоже обладал решительностью в своем стремлении к цели, однако знал, что время уже на исходе.

Глава 15

По пути Бекка и Брайан почти не разговаривали. Спутниковый навигатор вел их к тому месту, где был припаркован «Форд Фокус» Уильяма Бёрджесса. Оба держали при себе свое беспокойство относительно того, что они могут обнаружить. Однако Бекке казалось, что Брайан тревожится еще сильнее, чем она.

В дальнем конце одного из нескольких тупиков они увидели задний бампер машины. Бекка первой выскочила наружу, и Брайан последовал за ней, настороженно озираясь по сторонам. Промзона была старой, заброшенной, совершенно пустой; она состояла из десятков типовых корпусов, крытых гофрированным железом. Это напомнило Бекке индийские трущобы, которые она видела в документальных фильмах по телевизору, однако те выглядели более оживленно с их многочисленным ярко одетым населением. К стенам корпусов тут и там были приколочены щиты с оптимистичными надписями «Продажа» и «Аренда», из трещин в бетонных дорожках и из разбитых водосточных труб росли сорняки.

Детективы подошли к машине «неотложки» с разных сторон. Бекка зашла со стороны водителя, добравшись до задней дверцы. На заднем сиденье она заметила медицинские чемоданчики, красный и зеленый: один со стандартным набором для первой помощи, второй – для случаев сердечных приступов и крупных травм. Когда они осторожно продвинулись вперед, Бекка заметила в боковом зеркале отражение зеленой медицинской формы. Внутри кто-то был. Сердце ее забилось чаще.

Она протянула руку и постучала по стеклу, однако держалась при этом чуть поодаль от дверцы – на случай если та вдруг распахнется. Прежде чем предпринять дальнейшие действия, Бекка посмотрела на Брайана в поисках одобрения. Внутри машины не было ни единого движения, ни единого звука, и детективы медленно наклонились к окнам и заглянули внутрь.

Парамедик Уильям Бёрджесс был, несомненно, мертв. Его глазницы были пусты, глаза свисали на тонких красных сухожилиях на окровавленные щеки. Изрезанные кончики пальцев торчали в отверстиях разбитого стеклянного экрана «ТерраФикс».

Брайан покачал головой и сделал шаг назад. Бекка глубоко дышала, стараясь справиться с собой.

– Помнишь, мы говорили насчет того, что это, похоже, не маньяк? – спросила Бекка. – Возможно, нам придется изменить свое мнение.

Глава 16

Он резко пробудился ото сна.

Посмотрев через окно, расположенное прямо перед ним, увидел группу людей – некоторые из них были одеты в форму или комбинезоны, – собравшихся вокруг машины «неотложки». Внутри периметра, обнесенного желтой полицейской лентой, вспышки камер озаряли небо, начавшее темнеть к вечеру. Многие из собравшихся разговаривали по мобильным телефонам или полицейским рациям, хотя он и не мог расслышать, что они говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) – английская писательница, философ, борец за права женщин, мать Мэри Уолстонкрафт Шелли, автора романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».

2

Т. е. вес от 100 до 108 кг, рост примерно 193 см.

3

Твою мать! (румынск.)

4

Даблдекер – двухэтажный автобус.

5

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании «Meta Platforms Inc.», была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

6

Отсылка к соответствующему учреждению из цикла о Гарри Поттере.

7

Ар-деко – стиль на стыке модерна, классики и авангарда, популярный между мировыми войнами.

8

«Кэнди краш» (англ. Candy Crush) – игра из серии «собери три в ряд», одна из самых скачиваемых мобильных игр в мире.

9

Имя Нихат записывается латиницей как Nikhat, отсюда и такое сокращение.

10

Виниры – накладки на зубы для придания им максимально эстетически привлекательного вида.

11

«Супердрай» – британская марка модной одежды.

12

В сетевой переписке «x» означает поцелуй любого рода, иногда самый невинный, полностью аналогичный, скажем, приветствию или прощанию, – но в любом случае это признак неформального общения.

13

Пожарный Сэм – герой одноименного популярного британского мультсериала, идущего в эфире с перерывами с конца 1980-х.

14

Снап – карточная игра, в которой нужно собрать как можно больше карт: игроки по очереди выкладывают розданные карты, не зная их достоинств и мастей, и первый, кто крикнет «снап» (что, собственно, означает «выкрик»), когда на столе окажутся две карты одного достоинства, забирает их себе.

15

Около 170 см.

16

Брексит – выход Великобритании из Европейского союза, осуществленный в 2020 г.

17

Георгианский стиль – один из британских вариантов классицизма, доминировавший с первой трети XVIII в. по первую треть XIX в; назван по правившим в это время королям Георгам I–III.

18

Фредерик Уолтер Стивен Уэст (1941–1995) и Гарольд Фредерик Шипман (1946–2004) – британские серийные убийцы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marrs_dzhon/poslednyaya-zhertva

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить